

ДЖЕЙМС КЭРОЛ

18+

№1 В СПИСКАХ
БЕСТСЕЛЕРОВ
AMAZON KINDLE И iBOOK

СЛОМАННЫЕ КУКЛЫ

Есть вещи страшнее смерти

Джеймс Кэрол

Сломанные куклы

Серия «Джефферсон Уинтер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8914777
Кэрол, Джеймс Сломанные куклы : роман: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086565-9

Аннотация

Джеймс Кэрол родился в Шотландии в 1969 году, вырос и по сей день живет в Хертфордшире, Великобритания, с женой и двумя детьми.

Джефферсон Уинтер – не обычный следователь. Будучи сыном одного из самых известных серийных убийц Америки, он всю жизнь пытается вытравить из себя отцовские черты и становится независимым консультантом, помогающим полиции раскрывать сложные дела.

Очередное задание приводит Уинтера в промозглый Лондон, где на свободе находится маньяк, похищающий молодых женщин и делающий им лоботомию. Нужно найти психа, прежде чем еще одна девушка станет его жертвой. Ведь Уинтер как никто другой знает, что не всё, что сломано, можно починить...

Содержание

Пролог	5
1	10
2	18
3	29
4	35
5	38
6	44
7	50
8	57
9	64
10	68
11	74
12	82
13	85
14	93
15	100
16	104
17	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Джеймс Кэрол

Сломанные куклы

Посвящается Кэрен, Найаму и Финну.

Я вас люблю

«BROKEN DOLLS»

by James Carol

Печатается с разрешения литературных агентств Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC.

© James Carol, 2014

© Хатуева С., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Когда я видел отца живым в последний раз, он был привязан к тюремной каталке и лежал с раскинутыми руками, как будто его готовили к распятию. Все возможные в данных обстоятельствах апелляции мы подали и получили на них отказы. На отсрочку исполнения наказания надеяться не приходилось. В каждой руке у него уже торчало по катетеру с капельницей. Для наступления смерти достаточно было инъекции в одну руку, но было решено подстраховаться. На мониторе фиксировались последние биения его сердца. Даже в этой ситуации пульс у него был стабильным и спокойным – 75 ударов в минуту.

Увидеть смерть отца пришли около двадцати человек: родители жертв, сотрудники тюрьмы и еще мужчина в новом строгом костюме, представляющий губернатора штата Калифорния. Все старались устроиться поудобнее, чтобы ничто не мешало хорошо рассмотреть основное действо. Я же почти не замечал окружающей меня суеты.

Отец бросил на меня пристальный взгляд, пронзивший меня насквозь даже через толстое оргстекло. В эту секунду для меня во всем мире существовали только он и я. Я не сводил с него глаз, силясь понять, о чем он думает. За свою жизнь я перевидал немало психопатов и уже знал, что отец не сожалеет о содеянном. Он не был способен испытывать

угрызений совести за свои преступления.

За двенадцать лет отец убил пятнадцать молодых женщин. Он похищал их и вывозил в бескрайние орегонские леса, где выпускал на свободу и охотился на них с мощной винтовкой. Никакой жалости к своим жертвам он не испытывал, для него они были просто игрушками.

Я не отводил глаз под его пристальным взглядом. У него были яркие зеленые глаза с золотым ободком вокруг зрачка – точно такие же, как у меня. У нас с ним было много общих генетических черт, и смотреть на отца было все равно что смотреть в темный длинный тоннель моего будущего. Мы оба были худые и высокие – метр восемьдесят, оба пили очень много кофе, и, благодаря какому-то редкому гену, у нас обоих были седые, как снег, волосы. Я поседел, когда мне было чуть за двадцать, отец и того раньше.

Есть три причины, по которым он так долго оставался на свободе и продолжал убивать. Во-первых, он был умен и всегда на шаг впереди тех, кто охотился на него. Во-вторых, абсолютно неприметное лицо – такие, как он, легко смешиваются с толпой. И, в-третьих, его спасала краска для волос. Ведь если у вас яркие, необычные волосы, уже неважно, какое у вас лицо.

На долю секунды на лице отца промелькнула злая ухмылка уличного хулигана. Он произнес три слова, которые я прочел по губам, и у меня внутри все похолодело. Эти три слова попали в мой внутренний тайник, который я очень хорошо

прятал даже от самого себя. Видимо, он увидел, как изменилось выражение моего лица, потому что пульнул в меня еще одной убийственной улыбкой и закрыл глаза в последний раз.

Начальник тюрьмы спросил отца, хочет ли он что-то сказать напоследок, но отец никак не отреагировал. Он повторил вопрос, подождал ответа почти целую минуту и, не получив его, дал знак приводить приговор в исполнение.

Сначала по катетеру пустили пентобарбитал, быстродействующий анестетик. Через несколько секунд отец уже был без сознания. Затем последовал панкуроний бромид, парализовавший мускулатуру его дыхательных органов. И в завершение, чтобы остановить сердце, в вены ввели хлористый калий. Через шесть минут и двадцать три секунды была зафиксирована смерть.

Позади меня, не сдерживаясь, рыдала мать одной из жертв. Муж пытался ее успокоить. Судя по остекленевшему взгляду, лекарств она выпила немало. В состоянии медикаментозного летаргического сна была не одна она. Достаточно было посмотреть вокруг, чтобы это понять. Отец оставил за собой длинный, глубокий след из боли, и сила этой боли еще очень долго будет напоминать о себе. Отец одной из жертв пробормотал что-то про «слишком легко отделался», выразив ощущение большинства людей, пришедших смотреть на казнь. И я не мог с ними не согласиться: я видел фотографии с мест преступлений и читал протоколы результа-

тов вскрытия. Каждая из этих пятнадцати девушек умерла медленной, мучительной смертью, которая очень контрастировала со смертью моего отца.

Я вышел из здания вместе со всеми и двинулся к парковке. Какое-то время я просто сидел в арендованной машине, вставив ключ в зажигание, и пытался разогнать туман в голове. Я все никак не мог отделаться от тех трех слов, которые произнес отец. Я знал, что это неправда, что он просто провоцирует меня, но при этом я не мог избавиться от ощущения, что зерно правды там все-таки есть. А если так, то кто же я теперь? Вся наша жизнь — это замок, построенный на зыбучих песках и линиях разлома. В последние минуты жизни отцу удалось вызвать в моей жизни землетрясение мощностью девять баллов и разрушить все, что я считал правильным и истинным.

Я повернул ключ, завел машину и поехал в сторону аэропорта. Мой рейс в Вашингтон был в 6.30 следующего утра, но я так никуда и не улетел. Я проехал мимо съезда к аэропорту и отправился дальше по шоссе до самой Вирджинии. Перспектива сидеть и ждать вылета в невыносимой статичности аэропорта меня совершенно не привлекала. Торопиться было некуда: в Куантико меня ждали только на следующей неделе. Но мне не терпелось сбежать к чертям из Калифорнии — чем дальше, тем лучше.

Минуты превращаются в часы, часы — в дни, а дни — в годы. Об этом я думал, наблюдая, как стрелка спидометра пол-

зет вверх. Это было правдой, но лишь частичной. А самая настоящая правда состояла в том, что я пытался убежать от этих трех слов. Но, куда бы я ни ехал, спрятаться от них я все равно не мог.

И даже сейчас, через полтора года, эти три слова преследуют меня, всплывая в голове тогда, когда я жду этого меньше всего. Через какое-то время я даже озвучил для себя эти прочтенные по губам отца слова, представил, как именно он их произносит, по-калифорнийски растягивая слоги, – так же, нараспев, он говорил, заманивая своих жертв. Я и сейчас слышу эти слова так, как если бы он сидел рядом со мной: *«Мы с тобой одинаковые»*.

1

Женщину на больничной кровати легко можно было принять за труп. О том, что она еще жива, говорили лишь тихий, настойчивый писк кардиомонитора и едва заметные движения грудной клетки в такт дыханию под одеялом. На обмякшем лице не отражалось никаких эмоций. Это не было состоянием глубокой релаксации: у этой женщины все лицевые мышцы словно были кем-то выключены из розетки – обычно так люди могут выглядеть только после смерти. Я легко мог представить себе такое лицо в морге или у трупа в заброшенной лесополосе, но, к моему сожалению, оно принадлежало живому человеку.

Инспектор уголовной полиции Марк Хэтчер взглянул на спящую женщину и не смог сдержать тихого «Господи!». Он смотрел на нее, как загипнотизированный, время от времени качая головой, вздыхая и красноречиво жестикулируя. Я познакомился с Хэтчером в Куантико на учебном курсе по составлению поисковых портретов преступников. Я вел этот курс для иностранных полицейских, и Хэтчер был в их числе. Он отличался от остальных, потому что на всех без исключения лекциях сидел на первом ряду и у него всегда был наготове вопрос. Он нравился мне тогда, нравился и сейчас. Он был одним из лучших инспекторов Скотланд-Ярда. Человек, на протяжении тридцати лет смотревший в нищете

анскую бездну и не превратившийся за это время в бесчувственного робота, однозначно достоин моей симпатии.

Но эти годы, конечно, не прошли для него бесследно. Они высосали из него всю его живость и радость. Он был весь седой, у него потемнела кожа, да и сам он весь тоже как-то помрачнел. Он приобрел особый цинизм, присущий полицейским, много лет посвятившим службе. В по-собачьему грустных глазах Хэтчера я прочитал всю его печальную историю. Его глаза видели столько, сколько никому не пожелаешь увидеть.

– Патрисия Мэйнард – его четвертая жертва, так? – задал я риторический вопрос, чтобы вернуть Хэтчера к реальности больничной палаты.

– Да, – Хэтчер глубоко и устало вздохнул, покачал головой, а затем повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. – Уже год и четыре месяца я пытаюсь поймать этого ублюдка, и знаешь, мы ведь вообще не продвинулись. Как будто мы играем в «Змеи и лестницы»¹, и кто-то своровал все чертовы лестницы и в каждой клетке нарисовал змеиную голову. – Он опять вздохнул и покачал головой. – Я думал, Уинтер, что уже видел все, что только можно, но это что-то новое.

Конечно, он не мог перевидать всего. Конца и края ужа-

¹ «Змеи и лестницы» – настольная игра с игровым полем, фишками и кубиком. Цель игры – первым добраться до финиша. Если фишка остановилась на ячейке с лестницей, игрок передвигает фишку вверх до конца лестницы, становясь ближе к финишу. Если же фишка остановилась на ячейке с головой змеи, фишка спускается до хвоста и игрок теряет позиции.

сам, которые придумывают маньяки, не намечалось, но даже я был готов признать, что нынешний случай – необычен, а уж я-то видел все. Оказалось, что смерть – не худшее из того, что может случиться с человеком, и Патрисия Мэйнард была живым тому свидетельством.

Я смотрел, как она лежала в малюсенькой одноместной палате, опутанная проводами, с катетером и капельницей в тыльной стороне запястья, и мне опять пришла в голову мысль о том, что уж лучше бы она была мертва. И я даже знал, как это устроить: отсоединить капельницу и шприцем нагнать воздух в катетер.

Сначала произойдет закупорка сосудов в правой половине сердца, затем – в легких. Легочные сосуды сожмутся, провоцируя повышение давления в правой половине сердца до тех пор, пока эмболия не перекинется и на его левую половину. Отсюда, по кровеносной системе, воздух разнесется по всему организму. Попад в коронарную артерию, он вызовет сердечный приступ. А добравшись до мозга – инсульт.

Четкое, простое решение. Если никто не будет сильно копать и искать реальные причины, риск получить срок – минимальный. Да никто и не будет разбираться. Весь мой опыт был подтверждением тому, что люди видят только то, что хотят. Патрисия Мэйнард провела в плену три с половиной месяца, и за это время она прошла сквозь ад. Если бы она умерла сейчас, мы бы все с радостью подумали, что ее организм в конце концов просто сдался. На этом все. Дело за-

крыто.

– Анализ ДНК что-то дал? – спросил я.

– Это тот же человек, который «работал» с остальными тремя женщинами, но он не совпадает ни с кем из нашей базы данных.

– И никакой новой информации о нем не появилось?

– Нет, ничего нового, – покачал головой Хэтчер.

– То есть все, что мы имеем, – четыре жертвы, которые не могут говорить, и ноль информации о личности маньяка.

– Да, это все, что есть, – вздохнул Хэтчер. – И нужно найти его, пока он не схватит следующую жертву.

– Не получится. После того, как он выпустил первую жертву, прошло два месяца, прежде чем он похитил следующую. Патрисию Мэйнард он похитил всего через трое суток после того, как избавился от третьей жертвы. Обычно у психопатов после периода активности бывает период затишья, некоторого охлаждения, когда они упиваются собственными фантазиями, которые еще настолько сильны, что способны удерживать маньяка в норе. У этого парня фантазии явно больше не работают. Они больше не могут хоть как-то заменить реальный опыт, на который он уже подсел. И у него сейчас фаза обострения. Патрисию Мэйнард нашли позавчера. Предполагаю, что следующую жертву он похитит сегодня вечером.

– Плохие новости – это как раз то, что мне сейчас нужно, – Хэтчер опять вздохнул и провел рукой по усталому лицу. – Ну, а хорошие новости есть, Уинтер? Я жду от тебя хороших

новостей, я тебя вообще-то за ними сюда позвал.

– Хорошая новость состоит в том, что чем больше ходов он совершает, тем больше вероятности, что он сделает ошибку. Чем больше ошибок он сделает, тем легче будет его поймать.

– Отличная теория. Только вот сейчас где-то ходит женщина, жизнь которой скоро превратится в самый страшный кошмар, а я ничего не могу сделать, чтобы этому помешать. А это моя работа – защищать людей.

Сказать тут было нечего. Я бывал на месте Хэтчера много раз и прекрасно знал, что он сейчас чувствует – беспомощность и потребность что-то сделать, хотя сделать ничего не можешь. Меня больше всего мучила злость на самого себя за неспособность сложить пазл, злость на мир, в котором такие пазлы вообще могли существовать.

Какое-то время мы многозначительно молчали и смотрели на спящую Патрисию. Кардиомонитор отмерял пульс, одеяло поднималось и опускалось, настенные часы показывали бегущие секунды.

Патрисии было двадцать восемь лет, у нее были карие глаза и темные волосы. Но в данный момент цвет глаз определить было невозможно, поскольку они заплыли и опухли. Сказать что-то определенное про волосы тоже было трудно, потому что маньяк побрил ее налысо. Кожа вокруг глаз была вся в синяках, а кожа головы под ярким больничным освещением была похожа на гладкий и блестящий розовый купол.

Волосы еще не начали отрастать, что означало, что сбрили их совсем недавно, перед тем, как выпустить на свободу. Очень маловероятно, что она была первой, над кем так поиздевался этот маньяк. Его явно заводили унижение, боль и мучение.

За свою жизнь я говорил с десятками убийц, пытаюсь понять, что же ими двигало. Это моя работа – пытаться разобраться в том, почему одно человеческое существо испытывает удовольствие от нанесения увечий другому. Но я никак не мог объяснить себе, зачем Патрисии Мэйнард сделали лоботомию.

Продолговатый мозг, который управляет сердечно-легочными функциями, затронут не был. То есть до конца жизни ее сердце будет биться, и она будет дышать. Патрисии не исполнилось даже тридцати, она легко может прожить еще сорок или пятьдесят лет. И эти полвека она проведет в темноте, в полной зависимости от других, не имея возможности самостоятельно питаться, ходить в туалет, сформулировать мысль или связное предложение. Мне было невыносимо думать об этом.

– И на черепе нет ни одного шрама? – задал я еще один риторический вопрос, на этот раз, чтобы самого себя вернуть к реальности больничной палаты.

– Нет, потому что к мозгу он пробрался через глазницы, – ответил Хэтчер, не сводя глаз с Патрисии. – Ты увидел все, что хотел, Уинтер?

– Да, более чем достаточно, – сказал я, тоже не в силах

отвести взгляд от женщины. — Давай поедem в Сент-Олбанс. Мне надо поговорить с Грэмом Джонсоном.

— А это обязательно? Мои люди уже допросили его.

Я наконец оторвался от Патрисии Мэйнард и посмотрел на Хэтчера:

— Я уверен, что твои люди поработали на совесть. Но Патрисию нашел Джонсон, а это означает, что от нашего психа его отделяют всего два шага. А раз уж наши жертвы не очень разговорчивы, Джонсон — моя единственная на сегодняшний день возможность приблизиться к нему. Так что да, я хочу с ним поговорить.

— Ну ладно. Сейчас позвоню и постараюсь найти кого-нибудь, кто тебя отвезет туда.

— И сколько времени займет поиск? Лучше отвези меня сам.

— Никак не смогу, меня ждут в отделении.

— Ты начальник и можешь делать все, что угодно, — усмехнулся я. — Поехали, Хэтчер, будет весело.

— Весело! Знаешь, Уинтер, у тебя какое-то извращенное понимание веселья. Весело — это потусить с двадцатитрехлетней блондинкой. Или на яхте у какого-нибудь миллиардера. А то, чем мы занимаемся, это ни разу не весело.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Хэтчер? Ты погряз в бумажной работе. Ты когда в последний раз делал то, что должен делать полицейский? — усмехнулся я. — Не говоря уже о том, когда ты в последний раз общался с двадцатитрехлет-

ней блондинкой?

Хэтчер в который раз глубоко и устало вздохнул:

– Мне надо вернуться на работу.

– А я только что перелетел через Атлантику, чтобы спасти твою задницу. И, кстати, в последний раз я спал тридцать шесть часов назад.

– А это уже психологическое давление.

– И что дальше?

Хэтчер вздохнул.

– Ладно, я отвезу.

Хэтчер вел машину быстро и аккуратно, спидометр колебался вокруг 140 и редко опускался ниже 125 километров в час. Мы ехали по городскому шоссе М1 на север, в пригород Лондона. Справа и слева к дороге примыкали мрачные серые здания, а в декабрьском тусклом дневном освещении они казались еще более депрессивными.

До Рождества оставалось меньше недели, но даже украшенные праздничной иллюминацией окна домов не могли добавить красок этому дню. Световой день подходил к концу, наступали сумерки, серо-синее небо закрывали темные грозовые тучи. Судя по новостям, ожидался снегопад, и люди уже делали ставки, будет ли в этом году снежное Рождество. Я могу понять, что кому-то нравится делать ставки, но как кому-то может нравиться снег? Он же холодный, мокрый и депрессивный. Я всегда в душе буду калифорнийцем. Мне так же сильно необходимо солнце, как наркоману доза.

– Я очень тебе благодарен, что ты согласился взять это дело, – сказал Хэтчер. – Я знаю, что ты очень занят.

– Рад быть здесь, – ответил я.

А про себя отметил, что это неправда. Ведь сейчас я мог быть в Сингапуре, или в Сиднее, или в Майами – где-нибудь, где солнечно и жарко. А вместо этого в этот промозглый декабрьский день в Лондоне я изо всех сил стараюсь не

простудиться и не обморозиться, а тут еще скоро ожидаются снегопады.

Винить, кроме себя, было некого. Когда ты сам себе начальник, ты сам решаешь, где тебе быть и что делать. Я согласился приехать в Лондон, так как случай был неординарным. Все неординарное вызывает мой интерес, а интерес – это единственное, что перевешивает на чаше весов даже солнце.

После ухода из ФБР я стал ловить серийных убийц в самых разных частях света. Каждый день я получаю новую просьбу о помощи, а иногда даже две или три. И выбор дается очень тяжело, ведь отказ может означать смертный приговор какому-то человеку, а чаще даже не одному, ведь маньяки по своей воле не останавливаются, кто-то должен их остановить. По этой причине во время работы в ФБР бессонница была обычным делом для меня. Сейчас я уже сплю лучше, но это все благодаря убойной смеси снотворного, виски и усталости из-за смены часовых поясов.

К сожалению, человеческих монстров в мире меньше не становилось. Они были всегда, с тех пор как Каин убил Авеля, и со временем они множились, как сорняки. Ловишь одного – на его месте тут же появляется десяток других. Где-то я слышал, что только на территории США орудует около сотни серийных убийц. И это только убийцы. А если взять в расчет поджигателей, насильников и остальных извергов, единственная цель жизни которых состояла в причинении

боли и страданий другим людям?

В годы работы в ФБР я выглядел, как типичный агент этого ведомства: хороший костюм, начищенные до зеркального блеска ботинки, коротко стриженные и аккуратно зачесанные назад волосы. Мне приходилось красить волосы в черный цвет, чтобы ничем не выделяться. Поставь меня в ряд из тысячи таких же агентов, и я слился бы с их толпой.

Сейчас с внешним видом все гораздо проще. Накрахмаленные белые рубашки и тесные костюмы ушли в прошлое, и на смену им пришли джинсы, футболки с изображениями мертвых рокеров и толстовки с капюшоном. Вместо начищенной обуви – удобные стертые ботинки для рабочего класса. С краской для волос я тоже попрощался. Может, я теперь выгляжу не так презентабельно, как раньше, но зато работать мне стало гораздо удобнее. В костюме спецagenta ходишь, как в смиренной рубашке.

– Какое у тебя первое впечатление? – Хэтчер посмотрел на меня, держа руль одной рукой на скорости 160 километров в час.

– Этот тип остановится только в двух случаях: или мы его ловим, или он умирает – естественной или насильственной смертью. Ему слишком нравится то, что он делает, сам он не остановится.

– Уинтер, ну хватит, я тебе не новичок-первогодок. Твое описание подходит к девяноста девяти процентам серийных убийц.

Я засмеялся. Хэтчер был абсолютно прав.

– Ну ладно, тогда слушай. Когда дойдет дело до его захвата, легко он не сдастся. Скорее всего, он спровоцирует полицейских на применение оружия и собственное убийство.

– Как ты пришел к такому выводу?

– В тюрьме он не выдержит.

– Почему?

– Он помешан на контроле. Он контролирует каждую деталь в жизни своих жертв: что на них надето, что они едят – все. Он не перенесет, если этот контроль у него заберут. Опция подставиться под пулю полицейского очень ему подходит, потому что в этом случае он сам сможет выбрать время и место своей смерти. То есть получается, в его картине мира он сам будет контролировать ситуацию.

– Будем надеяться, что ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь.

Пока Хэтчер вел машину, я снова и снова прокручивал в голове подробности похищения Патрисии Мэйнард. Как и обычно, информации было гораздо меньше, чем мне требовалось. Так всегда – сколько бы информации ни было, ее всегда не хватает.

Как значилось в полицейских отчетах, Мартин Мэйнард заявил о пропаже своей жены двадцать третьего августа и сразу же стал главным подозреваемым. Большую часть убийств совершают знакомые жертвы – супруг, родственник, друг. На том этапе дело еще не было квалифицировано как

убийство, но полицейские предпочли перестраховаться.

У Мартина Мэйнарда неоднократно были романы на стороне, и они с женой посещали психотерапевта в отчаянной попытке спасти брак, которому давным-давно стоило бы подписать смертный приговор. Если прибавить к этому немаленькую страховку в случае смерти жены, то вырисовывался убедительный мотив. Убийство выглядело вполне логичным.

Мартина Мэйнарда допрашивали двое суток, после чего отпустили. В последующие месяцы полицейские держали его под наблюдением, но, опять же, делалось это больше для собственной подстраховки. После того как была восстановлена цепочка последних действий Патрисии Мэйнард, полицейские установили, что ее следы теряются вечером двадцать второго августа.

Алиби Мартина было железным – он был с собственной секретаршей, с которой, как он убеждал Патрисию, уже перестал встречаться. Вечером в день ее исчезновения он должен был находиться в командировке в Кардиффе, но на деле остался в Лондоне в компании той самой секретарши. Его слова подтверждались данными отеля и заявлениями свидетелей.

За следующие три с половиной месяца ситуация не изменилась ни на йоту. Не было ни писем с требованием выкупа, ни телефонных звонков, ни тела. Патрисия Мэйнард просто исчезла с лица земли. Все уже стали склоняться к версии,

что она мертва, но вдруг два дня назад она появилась в парке в Сент-Олбансе – небольшом городе с кафедральным собором, в тридцати минутах езды к северу от Лондона. Дезориентированная и не способная говорить, она не могла ответить даже на самые простые вопросы. Грэм Джонсон гулял с собакой и обнаружил ее, одиноко блуждавшую в парке. Он вызвал полицию, и они быстро узнали в местной неизвестной Патрисию Мэйнард. Ее перевели в лондонскую больницу Сент-Бартс, и дело взял Хэтчер.

В течение трех с половиной месяцев плена Патрисия неоднократно подвергалась пыткам. Все ее тело было покрыто шрамами и синяками – и старыми, и свежими. Маньяк явно любил играть с ножами. Судя по результатам токсикологических анализов, он заставлял Патрисию принимать препараты, которые поддерживали ее в состоянии бодрствования и сильно повышали чувствительность, чтобы он мог в полной мере насладиться ее страданиями. Он по одному отрезал ей все пальцы, кроме безымянного на левой руке, обрубки тщательно прижег. По какой-то странной причине он старался не травмировать ее лицо, и – что еще более странно – на лице были заметны несмытые следы макияжа. И наконец, если отставить в сторону травмы, Патрисия была в удовлетворительном состоянии. Ее вес соответствовал росту и телосложению, следов обезвоживания не было.

У съезда на Сент-Олбанс Хэтчер включил поворотник. Через пять минут мы уже ехали по району Сент-Мишель, где

маленькие домики с хлипкими террасками соседствовали с большими особняками, вероятно, стоившими целое состояние. На нашем пути было аж четыре лежачих полицейских – слишком много, учитывая количество домов, не говоря уже о количестве людей, которые в этих домах проживали. Все в этом районе было заточено под интересы туристов.

Я замерз сразу, как только вылез из машины. Моя голова будто бы попала внутрь ледника. На мне была самая толстая из имеющихся у меня курток с внутренней подкладкой из овчины – для тепла – и водонепроницаемым верхом, который должен был защитить меня от сильнейших ветров и влажности. При этом ощущение было такое, что вместо куртки на мне были шорты с майкой. Я зажег сигарету, и Хэтчер тут же бросил на меня неодобрительный взгляд.

– Мы на улице, я ничего не нарушаю, – заметил я.

– Курение тебя погубит.

– Как и много чего еще. Может, меня завтра автобус собьет.

– Или у тебя найдут рак легких, и ты умрешь медленной и мучительной смертью.

– Или нет, – усмехнулся я. – Мой прадед курил по две пачки в день и прожил сто три года. Будем надеяться, я в него.

Дом Грэма Джонсона стоял напротив паба «Шесть колоколов». Как и у всех домов по этой линии, парадная дверь выходила прямо на тротуар. Кто-то из подчиненных Хэтчера

предупредил Джонсона, так что он нас ждал. Когда мы подходили к дому, занавеска в окне гостиной зашевелилась, а входная дверь открылась еще до того, как Хэтчер успел нажать на кнопку звонка. Джонсон стоял в проходе, а вокруг его ног безостановочно кружился и таял джек-рассел-терьер. Джонсон был среднего роста, среднего телосложения, и его голова почти задевала низкий дверной проем.

По данным полиции, Джонсону было семьдесят пять. Каждый прожитый им год наложил заметный отпечаток на его тревожное, испещренное глубокими морщинами лицо. Оставшиеся волосы были седыми, как у меня. Под слезящимися голубыми глазами были большие мешки. Для своего возраста он был в хорошей форме, его движения не были скованными, несмотря на минус за окном. Скорее всего, это был результат регулярных физических упражнений, а не приема витаминов и БАДов для здоровья суставов. Джонсон не производил впечатление человека, который станет принимать витамины.

– Заходите! – сказал он и отошел в сторону, чтобы мы могли пройти в гостиную. Собака неистовствовала, таяла, кружилась и пыталась поймать собственный хвост. Старик командовал ей: «Барнаби, тихо!», – и пес тут же замолчал, забрался на стул с виноватым выражением на морде. Я затушил выкуренную наполовину сигарету о тротуар и проследовал внутрь за Хэтчером. Пес не спускал с нас взгляда. Джонсон подвел нас к дивану, и мы сели. Небольшой камин со-

гревал комнату и наполнял ее уютным оранжевым светом.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – спросил он. – Чай? Кофе?

– Кофе было бы здорово, – сказал я. – Черный, с двумя кусочками сахара, спасибо.

Хэтчер отказался, и старик исчез в кухне. Я откинулся на спинку дивана и осмотрелся. Первое ощущение было такое, как будто мы в музее. Я заметил у Джонсона на руке обручальное кольцо, когда он открывал дверь, и также заметил, что гостиную оформляла женщина. Но присутствия жены я не заметил.

Каждая свободная поверхность в комнате была чем-то украшена, и все было покрыто слоем пыли – выцветшие подушки с цветочным рисунком на стульях и диванах, выцветшие занавески с цветочным рисунком на окнах. Свадебная фотография в старинной рамке занимала почетное место на каминной полке, повсюду были семейные фотографии с множеством детей и внуков. Давность фото можно было оценить по прическам и одежде, самые свежие были сделаны около четырех лет назад. Наверное, тогда его жена и умерла.

Джонсон вернулся с двумя дымящимися чашками кофе, подал одну из них мне и расположился в кресле у камина. Мой кофе был крепким, один сплошной кофеин. Именно так я и люблю.

– Расскажите нам, пожалуйста, как вы обнаружили Патрисию Мэйнард, – попросил Хэтчер.

– Вот, значит, как ее зовут, – заметил он. – Знаете, со мной, начиная с понедельника, с десятков полицейских общалось, и никто мне даже не сказал, как ее зовут. А с другой стороны, я и не спрашивал, так что, получается, это и моя вина. Как-то неправильно это – не узнать имя.

– Мистер Джонсон, – попытался остановить его Хэтчер. Старик Джонсон вздрогнул от такого неожиданного возвращения в здесь и сейчас.

– Да, простите, – пробормотал он. Хэтчер отмахнулся от извинений.

– Расскажите нам, как все случилось.

– Я вывел Барнаби на прогулку перед сном. Было около десяти вечера. Мы выходим с ним каждый вечер в одно и то же время. Мне приходится два-три раза в день гулять с ним в парке, а иначе он весь дом разнесет.

– Вы имеете в виду парк Веруламиум, да?

– Да, парк Веруламиум. Вы наверняка прошли мимо входа в парк, когда шли ко мне. В общем, я подошел к концу озера и в этот момент заметил женщину. Я обратил на нее внимание, потому что она практически уже зашла в воду, – он замолчал и отпил немного кофе. – Послушайте, не хотелось бы показаться невежливым, но я все это уже рассказывал полицейским. Я, конечно, расскажу вам еще раз, но, мне кажется, я просто трачу ваше время.

– Вы не тратите наше время, – сказал я, посмотрев на пса. – Я хочу кое-что попробовать, если вы не возражаете.

Как думаете, Барнаби захочет выйти на прогулку?

Барнаби наострил уши сразу же, как услышал слово «прогулка». Он спрыгнул со стула и начал лаять и крутиться, выделявая цирковые пируэты. Джонсон засмеялся и сказал:

– Думаю, можно принять это за «да».

До парка мы дошли за пять минут. Этого времени было достаточно, чтобы выкурить целую сигарету. Барнаби все не мог успокоиться – всю дорогу он подскакивал и рвался вперед, натягивая поводок так, что рисковал быть задушенным собственным ошейником. Весь его вид говорил о том, что происходит нечто захватывающее. На улице темнело на глазах, фонари в сгущавшихся сумерках отсвечивали тусклым, нездоровым зеленовато-желтым оттенком. Воздух наполнился какой-то удушающей сыростью, и было件нятно, что не за горами снегопад. Я как можно глубже завернулся в куртку, чтобы защититься от холода, но это было бесполезно. От пронизывающей сырости и холода английской зимы не поможет никакая одежда, даже если она предназначена для Северного полюса.

– Вы каждый раз гуляете по одному и тому же маршруту? – спросил я Джонсона.

Он покачал головой:

– Нет, у нас есть несколько маршрутов. Обычно это зависит от погоды и имеющегося времени, ну и всего такого. Парк-то большой.

Парк и правда был большой. Справа на многие гектары простирались луга с размеченными пустыми футбольными полями. Слева, на холме, словно на насесте, восседал собор.

А прямо перед нами располагалось маленькое озеро, которое было отделено от большого озера горбатым мостом. В воде, не обращая никакого внимания на холод, стайками плавали утки и лебеди.

В парке было темно и безлюдно. Более подходящего места, чтобы избавиться от Патрисии Мэйнард, было не найти.

– В тот вечер, когда вы увидели Патрисию Мэйнард, по какому маршруту вы шли?

Джонсон указал на ту сторону озера, где стоял собор:

– Мы шли вокруг озера против часовой стрелки.

– И где вы увидели Патрисию Мэйнард?

Джонсон указал на дальний конец озера.

– Хорошо, пойдемте туда.

Через пять минут мы дошли до места. Я усадил Джонсона на свободную скамейку и сел рядом с ним. Барнаби по-прежнему тянул за свой конец поводка, тявкал и царапал бетон, отчаянно пытаясь высвободиться и поймать утку. Я посмотрел на Хэтчера, и он понял, что от него требуется. Чтобы мой план сработал, нужно было минимизировать количество внешних раздражителей. Хэтчер забрал у Джонсона поводок и повел Барнаби гулять вне зоны слышимости.

Когнитивное следственное интервью отличается от традиционного: нужно сделать так, чтобы участник важных событий смог вернуться в нужный момент и эмоционально пережить его еще раз. Вновь испытать присущие моменту ощущения и, возможно, вспомнить что-то, что он забыл. Важ-

но не брать тему наскоком, лучше походить вокруг да около, посмотреть на событие с разных ракурсов. Воспоминания, которые рождаются в ходе такой беседы, оказываются более ценными и важными, чем при обычном интервью. Вообще-то, можно было и не приводить Джонсона в парк, но раз уж мы были совсем рядом, я подумал, что это не повредит.

– Закройте глаза, мистер Джонсон. Я задам вам несколько вопросов. Когда будете отвечать, постарайтесь говорить первое, что приходит в голову, не думайте долго над ответами, не оценивайте их. Вам может казаться, что вы говорите глупости, но мне очень важно, чтобы вы не пропускали ответы через вашу внутреннюю цензуру.

Джонсон недоверчиво посмотрел на меня.

– Не беспокойтесь, я не впервые это делаю, – обнадежил его я.

Бросив на меня еще один недоверчивый взгляд, он закрыл глаза.

– Перенеситесь мыслями в вечер понедельника. Вот вы с Барнаби идете гулять, как обычно. Сколько сейчас времени?

– Около десяти. Я всегда вывожу его около десяти.

– Раньше или позже десяти?

Его лицо сосредоточенно напряглось, а затем расслабилось.

– После десяти. Я посмотрел передачу по телевизору, и как раз начинались новости.

– Какая сейчас погода?

– Идет дождь.

– Опишите, какой дождь. Сильный? Или небольшой?

– Дождь такой... морозящий. Знаете, бывает дождь вроде бы не сильный, но возвращаешься промокший насквозь.

– Много ли людей в парке?

– В такую-то погоду и время суток? – Джонсон покачал головой. – Нет, только я и Барнаби. И Патрисия, конечно.

Я проигнорировал его упоминание о Патрисии, потому что о ней пока говорить было рано.

– В каком вы состоянии?

– Если честно, я раздражен. Ездил в автосервис в тот день и мне выставили счет на шестьсот фунтов. А теперь еще гулять с собакой под дождем. В общем, бывали у меня дни и получше.

– Чувствуете ли вы какие-нибудь запахи?

– Чувствую запах сырой грязи. Еще от моей одежды пахнет дымом.

– Что вы видите?

– Трещины на дорожке. Я иду, опустив голову, чтобы дождь не попадал мне на лицо.

– Вы идете быстро или медленно?

– Быстро. Хочу поскорее вернуться домой.

– А Барнаби что делает?

Джонсон улыбнулся.

– Как обычно, пытается мне руку оторвать. Если бы не

поводок, он бы через секунду был в озере.

– Как в поле вашего зрения попадает Патрисия?

– Что-то привлекло мое внимание... я заметил какое-то движение в конце озера, на тропинке, ведущей вниз от «Бойцового петуха».

Джонсон почти незаметно указал направление головой, и я посмотрел туда, куда он показывал. Даже сейчас, в сумерках, узкая тропинка выглядела небезопасно.

– Как она движется?

– Неуверенно... Она шатается, как пьяная. Я сначала так и подумал, что она перебрала лишнего в «Петухе», но так и продолжал на нее смотреть. Знаете, как это бывает, когда «скорая помощь» стоит у дороги, ты смотришь туда, не в силах отвести взгляд. И вот я смотрю, как она выходит из-за деревьев, и мне кажется очень странным, что она одна. Мужчины нигде не видно, подруг тоже. На улице темно, время позднее. Одинокой женщине здесь в это время делать нечего. Я приглядываюсь, потому что уже начинаю беспокоиться за нее, и тут замечаю, что она направляется прямо к озеру. Я подбегаю и успеваю схватить ее за руку и оттащить от воды. Если бы она в это время года зашла в воду, то все точно закончилось бы переохлаждением.

Продолжение истории я читал в полицейских протоколах. Джонсон пробовал говорить с ней, но она не реагировала. Он привел ее в бар «Бойцовый петух» и попросил владельца вызвать полицию. Грэм Джонсон – первый человек, встре-

ченный мною за много-много лет, у кого не было мобильного телефона. Памятник давно ушедшему прошлому.

– Мистер Джонсон, давайте вернемся к моменту, когда вы впервые заметили присутствие Патрисии. Не говорите ничего, просто представьте себе картинку. Представьте ее себе как можно четче, во всех возможных деталях. Что вы видите? Что слышите? Есть ли запахи? Какие чувства вас посещают?

Я дал Джонсону некоторое время, а потом попросил его открыть глаза. У него было странное выражение лица.

– В чем дело? – спросил я.

– Вы подумаете, что у меня паранойя, – сказал он.

– Паранойя, бред, мне неважно. Я хочу услышать то, что вам привиделось, – я ободряюще улыбнулся и дождался ответной улыбки. – Так что произошло? Вас похитили инопланетяне и увезли на космическом корабле?

Улыбался Джонсон недолго. Его лицо посерьезнело и, казалось, он был слегка напуган. Он указал направо, на деревья и кусты в тени. Говорил он очень уверенно. Не было никаких сомнений в том, что он был уверен в каждом своем слове:

– Кто-то за нами наблюдал вон оттуда.

4

tesla: ты тут?

ladyjade: ага

tesla: занята?

ladyjade: полный завал :-)

tesla: вечер в силе?

ladyjade: ага

tesla: оч хочу тебя увидеть

ladyjade: и я

tesla: ок, у меня тут тоже полный ппц,
ушел разгрывать

ladyjade: ок, до 8, чмоки

tesla: чмоки

Рэйчел Моррис закрыла окно мессенджера, и с ее лица тут же исчезла улыбка, и она нахмурилась. К чему ей эти игры? Ей тридцать лет, с чего вдруг она ведет себя, как томный тинейджер? Бред какой-то! Она посмотрела по сторонам через стеклянную перегородку, почти уверенная, что весь офис видел, как она с кем-то переписывалась и улыбалась, но все сидели, опустив головы. Она слышала шум и гам колл-центра за стеклом, звонки телефонов, обрывки десятков разговоров.

Рэйчел вернулась к чтению отчета на мониторе компью-

тера и пыталась вникнуть в смысл слов. Это было бесполезно: голова была занята исключительно сегодняшним вечером. Она сказала Джейми, что после работы пойдет с подругами в бар отметить день рождения коллеги. Ему было все равно. С тем же успехом она могла бы сказать ему, что эмигрирует в Австралию – эта новость вызвала бы у него такую же нулевую реакцию. Так было не всегда. Поначалу они разговаривали ночи напролет, делились друг с другом секретами и мечтами. Но то время давно минуло, рутинные шесть с половиной лет брака убили все.

Под столом у нее была сумка, в которой лежали дорогие духи, ее самое красивое нижнее белье и любимое маленькое красное платье. Платье подчеркивало все достоинства ее фигуры, прятало недостатки и было сексуальным, но не пошлым. Это было принципиально важно, потому что, как ей казалось, Tesla не любит пошлость. Что-то было в нем такое старомодное. Он был джентльменом во всех смыслах этого слова. Он привлекал ее прежде всего своим чутким отношением. Она нуждалась в человеке, который мог бы выслушать ее, всерьез воспринять то, что она говорила или думала, ценил бы ее такой, какая она есть.

Рэйчел смотрела на нагромождение слов на экране и говорила себе, что еще есть время сорваться с крючка. Но потом она подумала про всю ту боль, которую ей причинил Джейми, и поняла, что пойдет до конца. С мужчиной под ником Tesla они общались уже пару месяцев, и чем больше

она узнавала его, тем больше он ей нравился. Они ни разу не встречались, она даже не знала его настоящего имени, но зато чувствовала, что он понимает ее так, как никто и никогда. Он зацепил ее. По-настоящему зацепил. Джейми никогда ее не понимал так, даже тогда, когда у них было все хорошо.

Она посмотрела на часы на экране – было только полчетвертого. До встречи оставалось еще целых четыре с половиной часа. Она знала, что они будут тянуться невыносимо долго, как последний учебный день перед каникулами.

Стоя с Хэтчером в конце озера, я смотрел, как Барнаби тянет домой Грэма Джонсона. Снегопад, которого все ждали, наконец начался – крупные белые хлопья зависали в свете фонарей, как в замедленной съемке. То ли еще будет! Метеорологи прогнозировали метель, новостные репортеры обещали полный хаос, и я чувствовал, что так оно и будет. Джонсон прошел уже половину озера. Он явно хотел добраться домой поскорее, до того как снегопад наберет обороты. Я очень его понимал – кто захочет торчать здесь при такой погоде. Я достал свою побитую металлическую зажигалку «zipro», выбил из пачки сигарету и закурил, не обращая внимания на исходившие от Хэтчера волны неодобрения.

– Маньяк был здесь, когда Джонсон нашел Патрисию, – сказал я.

– Это Джонсон так сказал? – отозвался Хэтчер.

– Не дословно.

– А что он сказал?

– Что он сказал, неважно. Важно, что он почувствовал. А почувствовал он то, что кто-то за ними наблюдал в тот вечер. Вон оттуда, если быть точным, – и я кивнул в сторону близлежащих зарослей.

– Вряд ли в суде нам поможет то, что он что-то почувство-

вал, Уинтер.

– Вот здесь и кроется основная проблема нынешних полицейских: большую часть времени ты мыслишь, как адвокат, а не как детектив.

Я подошел к зарослям и стал всматриваться в темноту. Ветвистые деревья, качаясь, отбрасывали мрачные тени, зловеще свистел пронизывающий ветер. Не дожидаясь, пока Хэтчер начнет читать мне лекцию о правилах поведения на месте преступления, я пролез через кусты и нырнул в лес. Ветки хлестали меня по лицу и одежде, ботинки и края джинсов мигом запачкались грязью. Хэтчер недовольно следовал за мной, ругался, жаловался и просил объяснить, какого черта мне здесь понадобилось.

Я перестал его слушать и какое-то время просто стоял среди деревьев, не обращая внимания на то, что колючий снег летел мне прямо в лицо. У меня не было никаких сомнений в том, что преступник был здесь две ночи назад. В конце концов, в моих жилах течет кровь охотника.

Когда я был маленьким, отец брал меня в походы, и мы вместе шли в холмистые орегонские леса, куда он впоследствии привозил своих жертв. Он научил меня стрелять, отслеживать, разделывать убитых животных. Еще он говорил, что сильные выживают, а слабые вымирают – таков закон жизни. Я слышал это философское изречение бесчисленное количество раз, но после ареста отца это довольно циничное высказывание стало гораздо более близким и понятным.

Опустившись на корточки, я стал искать самую удобную для наблюдения точку. С моего места отлично просматривались озеро и дорожка, ведущая к бару «Бойцовый петух». Справа виднелся собор, а вдалеке еще можно было разглядеть расплывчатые фигуры Джонсона и Барнаби. Отрывистые реплики Хэтчера слились с фоновым шумом, и я ушел в себя и мысленно перенесся в тот вечер. Картина вырисовывалась очень ясная — я мог описать все так, как если бы видел происходившее своими глазами.

Вот Барнаби рвется вперед на своем поводке и тянет за собой вдоль озера Грэма Джонсона. На улице дождь, и Грэм идет, опустив голову, лишь иногда поднимая взгляд, чтобы сориентироваться. Он замечает какое-то движение на дорожке слева от себя и напряженно замирает. Увидев, что это Патрисия Мэйнард и с ней никого нет, он немного успокаивается — можно ли всерьез опасаться одинокой женщины?

Некоторое беспокойство у него все же остается. Часть нашего мозга, которая спасала жизнь еще нашим первобытным предкам, до сих пор предостерегает нас от опасности. И, несмотря на то, что мы уже много веков не слушаем свой внутренний голос, он до сих пор достаточно силен и влияет на наше восприятие без участия нашего осознания. Грэм смотрит на Патрисию, затем переводит взгляд на то место, где сейчас прячусь я. Он не видит меня, но ощуща-

ет мое присутствие. Пусть даже я сливаюсь с окружающей тенью. Патрисия, будто пьяная, качаясь, спускается к озеру, и Грэм хватает ее за руку, чтобы она не исчезла под поверхностью темной ледяной воды. И этот импульсивный порыв делает его героем дня.

Я выбрался из кустов, поправил джинсы и сделал затяжку. Снег шел все сильнее, хлопья становились больше и тяжелее. Холодный арктический ветер пронизывал меня насквозь. Я поднял капюшон и еще глубже завернулся в куртку, но это не особенно помогло. Хэтчер уже понял, что придираяться ко мне бесполезно. Он бросил это занятие и разговаривал по телефону с кем-то из своих экспертов-криминалистов.

– Есть вопрос, – сказал я. – Предположим, ты преступник. Зачем тебе рисковать и приходить сюда, в парк? Почему не выпустить жертву где-нибудь и не скрыться?

Хэтчер закончил разговор и убрал телефон.

– А разве мы тебе такие деньги платим не за то, чтобы ты сам находил ответы на такого рода вопросы?

– Зачем бросать жертву в общественном месте? – продолжал я, проигнорировав его вопрос. – Точно так же он поступил и с остальными жертвами, всех троих он выпустил в парках. Зачем так рисковать? Почему не избавиться от них в каком-нибудь заброшенном месте?

Я сделал еще одну затяжку и стал представлять себе, как преступник прятался в кустах тем дождливым вечером. Пря-

тался, смотрел и ждал. Чего же он ждал? И вдруг меня осенило. Я улыбнулся и сказал:

– Он хочет, чтобы жертву нашли.

– Допустим, ты прав, и это ответ на второй вопрос, – сказал Хэтчер. – А что с первым? Почему ему обязательно быть здесь самому?

– Потому что он должен убедиться, что жертву обнаружили.

– Ну ладно, допустим. Тогда следующий вопрос: почему ему это так важно?

Хэтчер смотрел на меня так, как будто ожидал, что на меня сейчас же снизойдет озарение и я найду ключ к разгадке всего дела. Но, к сожалению, порадовать его мне было нечем. Пока нечем.

Было почти четыре. Всего сорок восемь часов назад я был в Америке, в штате Мэн, и в кевларовом бронежилете наблюдал за тем, как бойцы спецподразделения ФБР приземляются на заснеженный сарай, в котором прятался убийца маленьких детей. В результате операции он погиб от снайперского выстрела. Одним детоубийцей в мире стало меньше, и это всегда будет считаться достойным результатом.

Но эта история для меня была уже в прошлом. Злодей был мертв, значит, пришло время двигаться дальше. Для меня имеет значение только то дело, над которым я работаю в данный момент. Все остальное – в прошлом, а на него у меня времени нет. Почивая на лаврах, жизнь никому не спасешь,

а переживание из-за поражений и подавно ни к чему не приводит. Я выбрался из Мэна еще до того этапа, когда все начинают поздравлять и похлопывать тебя по спине, сел в первый самолет до Лондона и больше об этих событиях не думал. Через почти пять тысяч километров и пять часовых поясов в мире не так уж и многое изменилось. Все так же шел снег, а я охотился на очередного монстра.

– Пойдем в «Петуха», выпьем чего-нибудь, – сказал я.

На этот счет у Хэтчера возражений не было, да я их и не ожидал. Еще с Куантико я помнил, что он любил ходить по барам. Мы поднялись по той же самой тропе, по которой Патрисия Мэйнард сошла вниз в понедельник вечером. На полпути мы пересекли небольшую речку, и шум воды заглушил все остальные звуки.

Тропа вела к узенькой аллее Абби-Милл, по которой в свое время ездили лошади и телеги. Я заранее изучил карту и знал, что эта аллея – единственная дорога, по которой можно попасть в эту часть города. Слева от меня был одноименный проезд Абби-Милл, заканчивающийся тупиком. Я осмотрелся и попытался представить ход мыслей преступника. Место было очень тихое, это был большой плюс, но был и минус – мало парковочных мест.

На противоположной стороне аллеи располагался «Бойцовый петух». Здание было старое-престарое, с необычной геометрией и черными тюдоровскими балками – мечта любого голливудского художника-декоратора. Внутри мы прошли мимо стены с вставленными в рамки вырезками из газетных статей. Из них следовало, что мы находились в самом старом пабе Британии. Пройдя сквозь лабиринт залов, мы добрались до барной стойки.

За ближайшим к камину столиком сидела пожилая пара,

других посетителей в баре не было. На стойке стояла маленькая искусственная елка с серебряными ветками, криво надетой сверху звездой и парой жалких игрушек. За стойкой на веревке висело несколько рождественских открыток. Такое праздничное убранство заведения скорее наводило тоску, чем поднимало настроение, – как оставленная до марта новогодняя елка.

Мужчина за барной стойкой был худой, лысый и всегда готовый расплыться в широкой улыбке. Он по-хозяйски опирался на стойку, и было очевидно, что он владелец заведения. Одежда на нем была дизайнерская, часы – «ролекс субмаринер». Хэтчер заказал себе пива «Лондон-Прайд», а я взял виски. Как только напитки принесли, я одним глотком осушил половину своего стакана, с тем расчетом, что алкоголь растопит часть снега, которым, казалось, покрылись мои кости. Поставив стакан на стойку, я спросил:

– Вы ведь Джо Слэттери, владелец бара?

– Для кого как. Если вы пришли денег просить или вас моя бывшая жена послала, то я понятия не имею, кто такой Джо Слэттери.

Он говорил с ирландским акцентом и смеялся очень заразительно.

– Вы вызвали полицию в понедельник вечером.

Слэттери посмотрел мне в глаза и посерьезнел.

– Вы журналисты? Если да, то я вежливо попрошу вас допить и уходить. Я уже по уши сыт журналистами.

Хэтчер решил вмешаться и засветил свое удостоверение:

– Я детектив Марк Хэтчер, а это мой коллега Джефферсон Уинтер.

– Что ж вы сразу не сказали? – его улыбка вернулась на место так внезапно, будто никуда и не исчезала. – Мы вас могли и бесплатно обслужить.

В этом я сильно сомневался. Улыбка Слэттери была широка, но до карманов она не распространялась. Он не допускал лишних трат и жестко контролировал все расходы, поэтому и мог позволить себе «ролекс».

– Судя по тому, что вы уже говорили, ничего необычного вы в тот вечер не заметили.

– Да, – согласился Слэттери, – все было так, как обычно бывает по понедельникам, пока не вошел Грэм с девушкой. Потом все сразу стало с ног на голову: полиция, медики, журналисты – настоящий цирк, скажу я вам. А что этот тип сделал с бедной девушкой, это ж надо! – Слэттери качал головой и бормотал «Господи Иисусе». – Говорят, он сделал ей лоботомию. В голове не укладывается.

– Я хочу у вас про парковку спросить, – сказал я.

Слэттери не мог поверить своим ушам:

– Этот ублюдок режет людям мозги, а вы хотите знать про парковку?

– Такой вот у меня каприз, да.

Слэттери смотрел на меня, силясь понять, насколько я серьезен. Я смотрел в его глаза до тех пор, пока он не убедил-

ся, что я был настроен совершенно серьезно.

– С парковкой здесь ад, – сказал наконец Слэттери. – Особенно летом. Все места заполняют туристы. Когда мест на парковке не остается, они оставляют машины вдоль аллеи. Просто ад какой-то.

– И поэтому вы на парковке поставили камеру наблюдения.

– Есть и другие причины, но это основная, да. Как вам известно, камеру в воскресенье ночью сломали. Сначала я думал, что это какие-то местные дети, но сейчас-то я понимаю, кто это сделал.

По версии полиции, камеру сломал маньяк. Предположительно, он пришел сюда в ночь с воскресенья на понедельник и сломал камеру, чтобы в понедельник, отпуская Патрисию Мэйнард, остаться незамеченным. Я поблагодарил Слэттери за уделенное время, залпом выпил оставшийся виски, потропил Хэтчера и узкими коридорами с низкими потолками мы вернулись на холод.

– Я согласен с полицией, что камеру сломал маньяк, – сказал я. – Но он здесь не парковался в понедельник, в этом я уверен. Это было бы слишком просто, слишком очевидно, а он действует филигранно. Парковка – явно не его вариант.

– Где же, ты думаешь, он припарковался? – спросил Хэтчер.

Я стоял и смотрел на аллею Абби-Милл. Уже совсем стемнело, и в свете фонарей она казалась оранжевой. Снег уси-

лился, ледяной ветер закручивал его спиралью, а дорога и тротуар уже были белыми.

– Сюда в понедельник вечером он не приезжал, это однозначно, – сказал я. – Слишком рискованно ехать по единственной имеющейся дороге.

– Ну, тогда как он сюда девушку доставил, телепортировал что ли?

Я проигнорировал и вопрос, и сарказм, развернулся и пошел по тупику Абби-Милл. Я остановился в конце узкого проулка и попробовал представить, как здесь шел маньяк, провожая Патрисию Мэйнард, как он придерживал ее одной рукой за плечо и направлял ее шаги. Такой вариант казался правдоподобным, более близким к истине, чем гипотеза, что он привез ее сюда и припарковался у «Бойцового петуха».

Прямо передо мной была узкая тропинка, и я пошел к ней. Хэтчер плелся позади, жалуясь на снег и холод, и призывал вернуться к машине, потому что ему совершенно не хотелось задерживаться в Сент-Олбансе. Я мысленно отключил громкость его голоса и пошел дальше.

Тропинка привела нас к небольшой площади Пондуикс-Клоуз. Слева от меня была школа – начальная, судя по раскраске игровых построек. Площадь переходила в улицу Гроув-роуд, через улицу от которой находилось шоссе A5183, одна из главных транспортных артерий города. Оно было настолько близко, что был слышен его гул. Я стоял посередине Гроув-роуд, снег падал мне на голову и плечи, ко-

лол лицо и застревал в ресницах, но я ничего не замечал. Я кивнул сам себе, повернулся к Хэтчеру и сказал: «Вот здесь он оставил машину».

Рэйчел волновалась почти так же сильно, как когда собиралась на первое в своей жизни свидание. Однако к ее воодушевлению примешивалась и некоторая тревога. Она была уже далеко не подростком, и ей пришлось пережить много разочарований. Она уже знала, что реальность чаще всего не соответствует ожиданиям и что надежда умирает последней. Она знала, как это больно, когда сердце рвет на мелкие кусочки.

Красное платье, обтягивающее фигуру в нужных местах, и аромат любимых духов добавляли ей уверенности. Она вышла из метро в холодные объятия вечера. Снегопад утих, снежинки медленно плыли в воздухе, танцуя и переворачиваясь, выполняя все прихоти ветра. В детстве Рэйчел очень любила снег и до сих пор не разлюбила. Снег превращал окружающий мир в волшебное и романтическое место. Пусть завтра под ногами будет слякоть, но сейчас все было идеально. Она поплотнее закуталась в пальто и ускорила шаг. Сумка ударяла ее в бок в такт шагам.

Бар, в котором они договорились встретиться, был без вывески. Это было просторное помещение с барными стульями на высоких ножках у стойки. Посередине зала стояли деревянные стулья и столы, по краям – удобные кожаные диванчики и кофейные столики. Рэйчел просканировала взгля-

дом присутствующих. Много времени это не заняло: в зале, легко вместившем бы пару сотен человек, было всего около двадцати – в разных частях зала, в основном, компаниями по три-четыре человека. Несколько посетителей в одиночестве допивали свои напитки. Рэйчел быстро оглядела каждого. Она искала мужчину в возрасте около тридцати пяти лет с короткими темно-русыми волосами. Tesla сказал, что будет в длинном черном шерстяном пальто. Единственный человек, кого с натяжкой можно было бы принять за него, сидел за барной стойкой. У него было такое пальто, но он был, как минимум, на двадцать лет старше.

Рэйчел заказала лимонад. Она планировала пить только безалкогольные напитки первую половину вечера, а затем чередовать лимонад и красное вино. Она хотела произвести хорошее впечатление, а для этого нужна была ясная голова. Если сегодня все пройдет хорошо, возможно, Tesla захочет увидаться еще раз. Ей очень хотелось верить, что их знакомство станет началом чего-то нового, началом новой жизни.

Она сделала глоток лимонада и посмотрела на часы. До времени встречи оставалось десять минут. Рэйчел нашла стол, откуда хорошо просматривалась входная дверь, и села на кожаный диван. Столик был в глубине зала, уютный и скрытый от глаз.

Настало восемь, и потекли минуты ожидания. К половине девятого она уже была вне себя. Она подошла к бару и заказала бокал красного вина. Девять. Один бокал превратился в

два. Рэйчел посмотрела на пожилого мужчину в пальто. Может, это он? Может, Tesla соврал про свой возраст? Но мужчина не обращал на Рэйчел никакого внимания, он ровным счетом не замечал ее присутствия, полностью поглощенный содержимым стакана, стоящим перед ним на барной стойке.

Она снова посмотрела на часы, проверила мобильный телефон. Может, Tesla задержался на работе, или не смог добраться из-за снега, или попал в аварию и лежит сейчас в реанимации, подключенный к аппаратам искусственного жизнеобеспечения.

В пятнадцать минут десятого все возможные объяснения были исчерпаны, и Рэйчел всерьез разозлилась на нелепость ситуации, в которой оказалась. Впервые за столько времени выбраться на свидание и так напороться! Она еще раз взяла телефон и проверила, нет ли новых сообщений. Ни смс, ни пропущенных звонков. Она уже их и не ждала. Что ж, она думала, что Tesla отличается от других мужчин, но оказалось, что он точно такой же – малодушный трус, не посчитавший нужным даже связаться с ней и предупредить о том, что не придет.

Рэйчел подумала заказать еще бокал вина или даже целую бутылку, но поняла, что это ничего не изменит, только усугубит и без того плохое положение дел. Завтра она проснется с похмельем, вот и вся разница. Ее жизнь менее жалкой не станет, а Джейми так и останется самой серьезной ошибкой, которую она совершила в жизни.

Она допила бокал вина, надела пальто, взяла сумку и вышла на улицу. Там по-прежнему все было белым-бело, но мир уже потерял тот волшебный, романтический оттенок. Теперь он казался безнадежным и пустым. Снегопад закончился, остался только колючий ветер в лицо.

Холод пронизывал до костей, два бокала вина ощущались как четыре. Голова отяжелела, а ноги ослабели. Она чувствовала себя полной дурой. Да она и была дурой, поверившей, что с ней может случиться что-то хорошее. Больше всего на свете ей захотелось как можно скорее стереть из памяти весь сегодняшний вечер.

Она посмотрела по сторонам в последней надежде увидеть Tesla, но везде было пусто. Она повернула направо и быстро зашагала к метро. Ей захотелось оказаться дома, свернуться калачиком в теплой и уютной постели. Кто-то окрикнул ее сзади – достаточно громко, чтобы она услышала голос за звуком собственных шагов. Рэйчел обернулась и в тридцати метрах от себя увидела мужчину. Руки у него были на бедрах, как будто он долго бежал и теперь пытался отдышаться.

Она сразу же заметила пальто – черное, до колен. В темноте сложно было разобрать цвет волос, но Рэйчел показалось, что они были темно-русые. Она надеялась на это. Мужчина пошел к ней навстречу, и скоро Рэйчел заметила, что он улыбается. Еще через пять метров она увидела, что улыбка у него очень красивая: обаятельная, легкая, дружелюбная

– о такой улыбке можно только мечтать. Когда он подошел, она просто не могла поверить своей удаче. Он был настолько красив, что запросто мог работать актером. На большом экране он выглядел бы сногшибательно.

– Прости меня, пожалуйста, за опоздание, – сказал он. – На работе ад, вдобавок я умудрился потерять телефон. У меня не было возможности связаться с тобой и предупредить, что опаздываю. Я так рад, что застал тебя!

Его манера говорить была очень культурной, отточенной, голос был глубокий и сексуальный. На нем были кожаные перчатки, черный шерстяной шарф, дорогая обувь. И у него были карие глаза.

– Ничего страшного, – сказала Рэйчел.

– Как это «ничего страшного»? Ты уже наверняка подумала, что я тебя подставил.

– Да, были такие мысли, – улыбнулась Рэйчел.

– Я должен загладить свою вину. Ты была в ресторане «Плюш»?

– Там разве не надо бронировать столик чуть ли не за полгода вперед?

– У меня там работает знакомый, и думаю, в такую погоду кто-то мог отказаться от брони. У меня машина за углом припаркована, позволь угостить тебя ужином. Это самое малое, что я могу сделать в этой ситуации.

– Хорошо. Но сначала я должна тебя кое о чем спросить.

– Конечно, все, что угодно.

– Как тебя зовут? Как твое настоящее имя?

Он вновь улыбнулся своей чарующей и теплой улыбкой:

– Адам.

– Адам, я Рэйчел, очень приятно наконец с тобой познакомиться.

Рэйчел протянула руку. Его рукопожатие было крепким и вместе с тем бережным. От его прикосновения Рэйчел ощутила внутри себя целый фейерверк.

Они подошли к его «порше», который стоял в ближайшем переулке. Адам нахмурился, увидев под дворником на лобовом стекле штраф за неправильную парковку. Он взял его и положил в карман пальто. «Может быть, в следующей жизни», – задумчиво сказал он, покачав головой.

Адам открыл дверь, и Рэйчел скользнула на пассажирское сиденье. Самой себе она казалась в этот момент элегантной и изысканной, как Одри Хепберн в одном из черно-белых фильмов. Адам мягко закрыл дверь, и она оказалась в окружении запаха кожи и едва различимого аромата мужского лосьона после бритья. Рэйчел про себя улыбнулась: Адам был красивым и с чувством юмора. Они друг друга достойны. Джейми никогда не открывал перед ней дверей.

Адам сел на водительское сиденье и захлопнул свою дверь. Рэйчел почти не увидела движений его рук – только заметила что-то неразличимое краем глаза. Она почувствовала какой-то укол в бедре и тупо посмотрела сначала на свою ногу, а затем на Адама. В этот момент она увидела

шприц, увидела, как выражение его лица меняется с чарующего на хищное. Она схватилась за ручку двери, но та была заблокирована. Тогда она попыталась разблокировать дверь кнопкой, но кнопка была предусмотрительно удалена. По ее рукам и ногам разлилась невероятная тяжесть – словно целая тонна вжала ее в сиденье. Мозг разрывался от ужаса, но крик словно застрял у нее в горле.

– Ну, здравствуй, номер пять, – прошептал Адам.

Бар в отеле «Космополитан» был вычищен до блеска и совершенно безлик. Везде было полированное дерево, блестящие хромированные поверхности и гладкая, блестящая кожа. Благодаря искусно расположенным светильникам бар заполняли тени необычных форм и мерцание листьев искусственных растений. Фоновой музыкой служили электронные версии традиционных рождественских песен. Кое-где виднелись неуместные праздничные украшения. В углу пряталось пианино. По вторникам здесь был вечер джаза.

За столами сидели немногочисленные посетители – две пары и несколько человек поодиночке, явно командированные, которым предстояло задержаться здесь на день-два. Отовсюду доносился смех, люди много общались и много пили. Блондинка за барной стойкой была симпатичная, веселая и улыбчивая. Ей было чуть за двадцать, говорила она с восточноевропейским акцентом. Я заказал виски и сел за ближайший свободный столик. Поиграв немного со стаканом и постучав по стенкам кубиками льда, я сделал глоток. Алкоголь обжег горло.

Одна из сидящих в одиночестве девушек отличалась от всех остальных, потому что она то и дело бросала на меня взгляды. Когда я пришел, она уже была в баре и тихо сидела за столом, откуда лучше всего просматривался весь бар.

Я пил виски и наблюдал за ней краем глаза, ожидая от нее первого хода. Она выждала еще пять минут, а потом встала и подошла.

Ростом она была на несколько сантиметров ниже меня, где-то метр семьдесят два без каблучков. Двигалась с уверенной, мягкой грацией танцовщицы. Выглядела она абсолютно потрясающе – у нее были длинные светлые волосы, забранные сзади в хвост, и самые голубые глаза, которые я когда-либо видел. И у нее было тело, за которое не жаль отдать жизнь. Было ли оно подарком генетики или результатом регулярных тяжелых тренировок, я не знал и знать не хотел. Значение имел только конечный результат, а он был впечатляющим.

Она поставила на стол свой стакан, отодвинула стул напротив меня, села и устроилась поудобнее. Немного наклонив голову влево, она принялась меня оценивать. Она никоим образом не пыталась скрыть суть своей деятельности. Начав с макушки, она осмотрела меня до того уровня, который позволял ей стол. Глаза ее двигались слева направо, как будто она читала книгу.

– О чем думаете? – спросила она.

– Думаю, вы не бизнесвумен.

– И?

– Задаюсь вопросом, зачем вам понадобилось идти работать в полицию.

Она улыбнулась:

– Мой отец был полицейским, и его отец, и отец его отца. Я должна была родиться мальчиком.

– Насколько я понимаю, вашему отцу удалось справиться с этим разочарованием, – сказал я.

– Он очень гордится мной, – сказала она и посмотрела на меня. – А вы не такой, каким я вас себе представляла.

– В каком плане?

– В досье сказано, что вам тридцать три.

– На меня есть досье?

Кивок.

– Да, есть.

– Это правда, мне тридцать три.

– Выглядите старше. Наверное, из-за волос. На фото из досье у вас не седые волосы.

– Это все из-за стресса и волнений, – сказал я.

– И вам бы не мешало постричься и побриться.

– И костюм надеть, видимо, тоже не мешало бы. Костюм и темные очки. Агент ФБР бывшим не бывает, так ведь?

– Что-то вроде этого, да.

– Вас Хэтчер прислал сюда присматривать за мной?

Она немного поколебалась и отвела взгляд влево, что традиционно трактуется как обращение к той части мозга, в которой формируются лживые и полуправдивые заявления.

– Не совсем так, – сказала она.

– Так зачем же вы здесь?

Ее голубые глаза опять смотрели прямо в мои.

– Из любопытства. Я много слышала о вас, – она сухо усмехнулась. – Джефферсон Уинтер, знаменитый американский следователь.

– Как вы узнали, что я буду здесь?

– Хэтчер рассказал мне парочку военных историй про Куантико. Из них я поняла, что бар при отеле – лучшее место для начала поиска.

– Хорошая идея.

– Вы разве не спросите, как меня зовут?

– Я и так знаю.

Она подняла бровь.

– Вы сержант полиции Софи Темплтон, – сказал я.

На ее лице отобразилось удивление, но она быстро справилась с мимикой и вернула себе хладнокровный и уверенный вид человека, контролирующего ситуацию. Выражение ее лица изменилось настолько быстро, что можно было засомневаться, а не почудилось ли оно. Темплтон явно была не из тех, кого можно было быстро сбить с толку. Хэтчер упоминал ее имя пару раз, так что все было просто, как дважды два.

Я кивнул в сторону ее полупустого стакана:

– Заказать вам еще один?

Темплтон покачала головой.

– Спасибо, но нет. Завтра много дел.

– А если руку вам выкрутить?

– Можете попробовать, но предупреждаю: противник все-

гда оказывался подо мной на всех уроках по самообороне.

Ее слова вызвали целый ряд интересных картинок в голове.

– Я выражался образно, – сказал я.

– А я вообще пошутила.

Я улыбнулся, и она тоже улыбнулась. У нее была замечательная улыбка, настоящая, когда улыбаются не только губы, но и глаза.

– Вы же только что пришли, – сказал я.

– Сегодня будний день. Мне уже давно пора бы быть дома. Завтра очень много дел, – она закатила глаза. – Собственно, ничего нового. Каждый день много дел. Особенно сейчас.

– Мы его поймаем.

– Вы так уверены?

– Да, я абсолютно уверен. Вообще не сомневаюсь.

– Вы и правда такой профи, как говорит про вас Хэтчер?

Я взял стакан и сделал глоток.

– Вы ведь поэтому здесь, да? Как выбирали кандидатуру – все собрались в офисе и тянули жребий?

Темплтон отпила из своего стакана и еле заметно облизала губы. Судя по цвету и запаху, пила она «Джек Дэниэлс» с колой.

– Я здесь не для того, чтобы посмотреть на вас, Уинтер.

Я поднял бровь и ничего не сказал.

– Ну ладно, да, я здесь, чтобы на вас посмотреть. Но это мое собственное решение, мое любопытство. Я не собираюсь

никому отчитываться о сегодняшнем вечере, – она замолчала и пристально посмотрела на меня своими голубыми глазами. – Кстати, хороший отвлекающий маневр. Вы избежали ответа на вопрос, заставив меня оправдываться.

Я пожал плечами и улыбнулся. Она меня раскусила.

– Ну так вернемся к моему вопросу, – сказала она.

– Я не могу на него ответить.

– Не можете или не хотите?

– Не могу. Это вопрос с подвохом. Я ведь не знаю, что обо мне думает Хэтчер.

– Он говорит, что вы лучший специалист из всех существующих.

– В этом случае, да, он прав. Я лучший.

– Скромности вам не занимать, – засмеялась Темплтон.

– А скромность тут ни при чем. Вы же видели статистику по моим делам. Она говорит сама за себя.

– Откуда вы знаете, что я смотрела статистику по вашим делам?

Я опять поднял бровь и ничего не сказал. На этот раз была очередь Темплтон пожимать плечами и улыбаться. Она протянула руку через стол, и я ее пожал. У нее была мягкая и теплая кожа, пожатие было уверенным, но женственным. Это было хорошо. Это означало, что она не ощущала потребности конкурировать со мной.

Она улыбнулась своей невероятной улыбкой и сказала:

– Приятно познакомиться, Уинтер. Мне будет очень ин-

интересно поработать с вами.

Темплтон исчезла в холле, а я остался думать, что это, черт возьми, было. Ощущение было такое, как будто мне только что устроили экзамен или собеседование, только я не понимал, с какой целью и почему. Какое-то время я просто сидел, покачивая стакан с виски и думая о Софи Темплтон. Я отбросил мысль о том, что между нами что-то может быть, в тот момент, когда она подошла к моему столику и все присутствующие в зале мужчины – и женатые, и одинокие – проводили ее взглядом.

Дело было не в том, что я не хотел, чтобы между нами что-то было, я просто реально смотрел на вещи. Резюме было такое: женщины типа Темплтон не могли быть с такими мужчинами, как я. Если провести аналогию со студенческой жизнью, Темплтон – это капитан девичьей команды черлидеров, а я – отличник с лучшими оценками на всем курсе. Девушек из команды поддержки всегда тянет к спортсменам. Они не могут общаться с парнями, которые считают не на пальцах и читают, не шевеля губами. Это закон природы, железный закон, расставляющий всех в мире по своим местам.

Когда музыка начала меня утомлять, я допил виски и пошел вверх. Мой люкс ничего особенного из себя не представлял. По шкале от единицы до уровня Лас-Вегаса я бы поставил ему четверку. Интерьер был такой же примитив-

ный, как и бар: стены – белые, полотенца и постельное белье – белые, диван и кресла – бежевые. На полу было бежевое ковровое покрытие и белые коврики, на стенах – черно-белые фотографии в рамках. Такое ощущение, как будто стояла цель обесцветить комнату.

Последние полтора года после смертной казни отца моим домом были бесчисленные люксы, такие же безликие, как и этот. Когда я веду переговоры о своем участии в расследовании, я всегда настаиваю на том, чтобы мне предоставили люкс, а не просто номер в отеле. И это условие не обсуждается. Работая в ФБР, я по горло насытился номерами в дешевых мотелях. Люкс становился моим прибежищем, местом, куда я мог сбежать пусть даже на несколько часов. И мне уж точно не хотелось спать в кровати, на которой во сне можно все пружины пересчитать, или иметь неработающий душ, или тонкие стены, через которые слышно, как дышат соседи.

Все, что мне требовалось для проживания, было у меня в чемодане. Он был до сих пор не распакован, потому что смысла в этом не было. Я проведу в Лондоне несколько дней, максимум неделю, а потом перееду в другой отель, ловить следующего монстра. У меня по-прежнему оставался дом в Вирджинии. В нем было две спальни и гостиная такого размера, в которой вполне гармонично смотрелся мой кабинетный рояль «Стейнвей». Раз в неделю приходил человек и проверял, все ли на месте, не было ли взлома, и раз в месяц специальная фирма приводила в порядок двор вокруг

дома. Не знаю, почему я не продаю этот дом. Наверное, каждому хочется иметь какое-то место, которое можно назвать домом, пусть даже чисто символически.

Второе мое условие – в люксе должна стоять бутылка односолодового виски. Я приемлю смешанные сорта для ежедневного употребления, но когда распутываешь дело, лучше односолодового ничего быть не может. Двенадцатилетний виски – это минимальное требование, пятнадцатилетний – уже лучше, а все, что старше пятнадцати лет, – это подарок. Хэтчер подогнал восемнадцатилетний «Гленливет», который удовлетворял всем возможным требованиям. Я подключил к ноутбуку переносные колонки, нашел моцартовскую симфонию «Юпитер» и нажал на кнопку воспроизведения. Затем я налил себе виски и сделал глоток, наслаждаясь его копченым и торфяным вкусом.

Я слушал музыку с закрытыми глазами и чувствовал, как она обволакивает меня. Моцарт уносил меня в другой мир, за много световых лет от этого. В том мире вместо мучений и криков царят красота и жизнь, надежда, а не отчаяние. На моем ноутбуке были собраны все записи лучших исполнений произведений Моцарта, которые я смог отыскать. Все, что написал этот великий человек, у меня было. Моя цель – собрать лучшие исполнения всех его произведений. Это задача на всю жизнь.

Первая часть симфонии закончилась, и я открыл глаза. Какое-то время я просто сидел и по глотку отпивал виски. Я

не знал, сколько прошло часов с тех пор, когда я в последний раз спал. Но даже при том, что я уже не мог фокусировать взгляд, я еще не смог бы заснуть. Началась вторая часть симфонии, и я стал проверять почту. Ничего важного не было: обновление информации по мэнскому делу, запрос из полицейского отделения Сан-Франциско и некоторое количество спама.

Я вышел на балкон, чтобы выкурить последнюю на сегодня сигарету. Я слушал насыщенные звуки второй части симфонии, мягкие и успокаивающие. Лондон был покрыт снежным одеялом, как будто его закрасили все очищающей белой краской. Все звуки города были более приглушенными, чем обычно, а улицы более пустые. Высоко в небе, где-то в стратосфере, одиноко летел пассажирский самолет. Замершее колесо обозрения «Лондонский глаз» сверкало бело-голубой подсветкой. Я докурил сигарету, щелчком отправил окурок вниз, в темноту, и проследил взглядом за тем, как маленький оранжевый огонек переворачивался в воздухе, все уменьшаясь, и наконец совсем исчез. Я вернулся в комнату, принял снотворное и запил его «Гленливетом». Последняя моя мысль перед провалом в сон была о жертве номер пять. Мы ничего о ней пока не знали, но единственное, что я знал наверняка, — это то, что в эту самую секунду она одинока, как никогда. Она была совершенно одна в фильме ужасов, в который вдруг превратилась ее жизнь.

Я обещал Хэтчеру, что пришлю поисковый портрет преступника к девяти утра, но было очевидно, что не получится. Обычно после сна у меня появлялось более четкое видение ситуации, но в этот раз этого не произошло. Дело было гораздо более запутанное и непонятное, чем обычно. У меня уже появилось несколько идей, но не настолько ценных, чтобы я мог ими делиться с полицией. То описание, которое я составляю, сильно повлияет на ход расследования, и, если я ошибусь, пострадает незащищенная женщина. Плохое описание как ничто другое способно уничтожить расследование.

Этот случай был не похож ни на один предыдущий. Обычно в деле есть один-два трупа, с которыми можно работать. Их отсутствие беспокоило меня больше всего. Чтобы сделать лоботомию, нужно иметь навыки и время. Насколько легче просто убить жертву! Я не понимал логику преступника, его действия не вязались у меня с тем, что я про него знал. Он был аккуратен и чистоплотен, перед каждым своим действием тщательно его обдумывал, зачем же ему понадобилось брать на себя весь этот труд с лоботомией? Его явно заводят пытки, он, можно сказать, питается болью и криками жертв. После лоботомии праздник, очевидно, заканчивается – жертва больше не чувствует боли и не кричит. Зачем ее делать? Что у него за мотив?

Другой загадкой было довольно противоречивое обращение с жертвами. С одной стороны, он их жестоко пытал. С другой – заботился. Возможно, он поддерживал их в хорошей форме, чтобы они могли дольше выносить пытки. Это было вероятным, но почему-то мне не нравилась эта версия.

Я быстро принял душ, вытерся и оделся. Вчерашние джинсы еще можно было надеть, но футболка и толстовка уже нуждались в стирке. На моей сегодняшней футболке красовалась «Нирвана», поверх которой я надел черную толстовку. Проведя рукой по волосам, я придал им более аккуратный вид.

Я не знал, почему мои предки выбрали себе фамилию Уинтер, то есть «зимний». То ли потому, что в нашем роду у всех преждевременно седели волосы из-за генетического отклонения, то ли их выбор – простая случайность. Мне не хотелось называть это случайностью, я не верю в совпадения, удачу, судьбу. Но зато я верю, что в бесконечной Вселенной возможно абсолютно все: например, то, что юноша с зимней фамилией в двадцать с небольшим может иметь абсолютно седые волосы. Но, если брать теоретически возможные случайности, мой случай не такой уж и впечатляющий. Гораздо больше поражают истории, когда парень и девушка, влюбленные друг в друга в школе, расстаются, разделенные обстоятельствами и океанами, и проживают каждый свою жизнь. И потом они, не имея никакой связи друг с другом в течение пятидесяти лет, вдруг совершенно случайно

встречаются в отпуске в каком-нибудь богом забытом уголке мира. И их история продолжается с того же самого места, на котором она закончилась полвека назад.

Я заказал в номер полноценный английский завтрак – кто знает, когда мне доведется поесть в следующий раз. Первой чашкой кофе я запил еду, а вторую взял с собой на балкон. Наблюдая, как просыпается город, я зажег сигарету и глубоко затянулся. Небо было ярко-голубое – такое же, как и в Вирджинии зимой. Облаков почти не было, а значит, сегодня будет еще холоднее, чем вчера. Термометр уже показывал несколько градусов ниже нуля. Утренний коктейль из кофеина и никотина дал мне заряд энергии, и, вернувшись с балкона в комнату, я уже был готов к выходу.

Хэтчер прислал мне фотографии жертв до похищения и после. Я начал с Патрисии Мэйнард, раз я уже видел ее и, получается, знал лучше других. Фотография «до» ничем не отличалась от остальных в том смысле, что на этих фотографиях жертвы всегда изображены в счастливые моменты жизни. Фотографии были предоставлены родственниками, и совершенно естественно, что им хотелось запомнить своих близких радостными и довольными, как будто такими они всегда и были. Патрисия была обычным человеком, а значит, у нее бывали и хорошие дни, и плохие. Временами она была счастлива, временами – грустна или раздражена. Иногда с ней было хорошо, а иногда она всех доставала. Другими словами, ей был доступен весь спектр эмоций и настроений,

который испытывают люди в течение жизни.

В момент съемки ей явно было хорошо. Она была в ресторане и беззаботно улыбалась в камеру. Ничто не предвещало, что ей придется оказаться в том кошмаре, который стал концом ее полноценной жизни.

Фотография была обрезана, так что сложно было сказать, по какому поводу она оказалась в ресторане. Может, это был ее или чей-то день рождения. Но событие однозначно было праздничным. Раз это фото было сделано, значит, участникам хотелось запомнить этот день.

У нее были темные волосы и карие глаза, она была привлекательна. Ее типаж был не такой яркий, как у Темплтон, она вряд ли смогла бы спровоцировать пробку на дороге, но точно заставила бы мужчину посмотреть на нее дважды. Она была в хорошей форме, без лишнего веса, выглядела цветущей и здоровой. На ней была блузка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, приоткрывавшими ложбинку между грудей и маленький кусочек кружевного белья. Она была очень счастливой, уверенной, привлекательной женщиной, у которой впереди была вся жизнь.

Фото «после» было сделано в полиции, и в нем уже не было ничего радужного. Патрисия выглядела сурово и брутально. От прежней уверенной, привлекательной женщины не осталось и следа. Глаза были закрыты. Красные и опухшие, они выглядели так, как будто она простояла пятнадцать раундов на боксерском ринге. Обмякшее лицо напоминало

мне лица людей, перенесших insult.

Я просмотрел фотографии «до» и «после» других трех жертв – счастливые семейные снимки и холодные, жестокие изображения, сделанные полицией. Сара Флайт, Маргарет Смит, Кэролайн Брент. Я взял четыре фотографии «после» и расположил их в два ряда: Сара Флайт и Маргарет Смит попали в верхний ряд, а Кэролайн Брент и Патрисия Мэйнард – в нижний. И вдруг у меня волосы встали дыбом от внезапно накатившего предчувствия озарения. Если смотреть на эти фото так, как я их разложил, все они напоминали одного и того же человека.

Я создал новый файл, взял фотографии «до» и расположил их так же, как и фотографии «после». В глаза сразу бросилось сходство между ними. Я не заметил его раньше, потому что у двух жертв были крашенные волосы. Я набрал Хэтчера, и он ответил на втором гудке.

– Я уже отправил машину, – сказал он. – Она будет у тебя через несколько минут.

– Отлично. Машина мне нужна, но я поеду не в отделение. Не сейчас, по крайней мере.

– А что с поисковым портретом?

– Мне еще нужно время.

– Какого черта, Уинтер! Ты говорил, что он будет готов к утру.

– Послушай, у меня нет портрета преступника, но зато есть описание следующей жертвы. Готов записывать?

На том конце слышался шелест бумаги, и Хэтчер сказал:

– Да, давай.

– Это женщина в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, – я говорил медленно, чтобы Хэтчер успевал записывать. – Замужем, но отношения с мужем плохие. Муж ей изменяет, и, возможно, уже не в первый раз.

– Сомневаюсь в этом, Уинтер. У Сары Флайт был крепкий брак. У других были проблемы, да, но Флайты чисты.

– Ты так уверен?

– Мы их проверили. Они были счастливы, как Ромео и Джульетта.

– Не самый лучший пример для подражания, – сказал я.

– Мои люди профессионалы. Если бы там что-то было не так, они бы раскопали.

– Ты готов деньгами поручиться за свои слова?

– Ты серьезно?

– Двадцать фунтов. Хотя нет, это неинтересная сумма. Давай пятьдесят.

– Это, вообще-то, нарушает этические нормы, – сказал Хэтчер.

– Во-первых, ты не сказал «нет». Во-вторых, так говорят только неудачники.

– Ладно, буду рад получить твои деньги.

– Хорошо, продолжим, – сказал я. – Жертва будет брюнеткой с карими глазами, привлекательная. Поскольку жен-

щины часто красят волосы, видимый цвет может быть разным, как это было в случаях Кэролайн Брент и Маргарет Смит. Мы в данном случае подразумеваем женщину, у которой свой цвет волос – темный. Она карьеристка с высшим образованием. Достоянная цель для нашего маньяка.

– Зачем ему нужны эти сложности? – спросил Хэтчер. – Если он хочет помучить женщину, почему не похитить проститутку или наркоманку?

– Потому что ему не все равно, кого мучить. Эти жертвы символизируют кого-то, очень значимого для него. Бывшую жену, как мне кажется. Она-то и есть его цель, это ее он на самом деле хочет ранить, но пока не отваживается. Он ее боится до ужаса. И это его очень злит, и эту свою злость он вымещает на жертвах.

– То есть он тренируется на других женщинах, готовясь к атаке на свою бывшую.

– Как-то так, – согласился я. – Нужно, чтобы твои люди просмотрели все заявления о пропавших женщинах за последние три дня, абсолютно все. Особенно меня будут интересовать те, кто пропал за последние двадцать четыре часа. Если я правильно оцениваю интенсивность его процесса, то как раз в этот период он и должен был похитить следующую жертву.

– Так ты думаешь, он уже похитил кого-нибудь?

– У меня нет никаких сомнений по этому поводу.

– Географически на каком районе нам сфокусироваться?

– Северный берег Темзы.

Хэтчер громко вдохнул, и его реакция была вполне естественной, потому что я только что «сузил» ареал поиска до сотен квадратных километров и миллионов людей.

– Но есть новости и похуже, – добавил я. – Я не удивлюсь, если он начнет работать и за городом. Этот фокус с вырубанием камеры на парковке в Сент-Олбансе означает, что он будет пытаться пустить нас по ложному следу. И теперь надо исходить из того, что и тут, и там мы можем наткнуться на его уловки. Так что давай начнем поиски в пределах кольца M25. Если ничего не всплывет здесь, расширим зону поиска до окрестных графств.

– Сейчас займемся, – сказал Хэтчер.

– Фотографии мне нужны как можно скорее. Присылай их мне прямо на мобильный.

– Не вопрос. Так когда будет полный поисковый портрет?

– К концу дня что-то уже пришлю.

Закончив разговор, я надел куртку, положил в карман сигареты и зажигалку и спустился вниз. Снаружи меня ожидал немаркированный «БМВ». Увидев, кто водитель, я не смог сдержать улыбку. Пройдя через вращающуюся дверь отеля, я подошел к машине.

– Доброе утро, Темплтон.

– Доброе утро, Уинтер.

Темплтон, одетая в толстую дутую куртку, стояла, прислонившись к машине. На ней были узкие джинсы, сидевшие,

как вторая кожа, светлые волосы были собраны в хвост. При свете дня ее голубые глаза были еще более выразительными. Стоя в этой позе у машины, она легко могла бы сойти за рекламную картинку.

– Видимо, тебе снова выпал жребий, – сказал я.

– Веришь или нет, но я сама вызвалась. Мне интересно посмотреть, как ты работаешь.

– Польщен.

– У тебя есть повод. Я вообще-то предпочла бы сама себе зуб мудрости вырвать, чем работать нянькой.

Мы сели в машину, пристегнулись. Вместе с зажиганием включилась какая-то рок-волна со старым добрым «Аэро-смитом». Темплтон протянула руку и убавила громкость. Двигатель успел прогреться, пока она ехала из Скотланд-Ярда, и печка уже всюю боролась с холодом.

– Ты сказала «работать нянькой», а не водителем, – сказал я. – Значит, ты уже говорила с Хэтчером.

Темплтон кивнула.

– Он звонил пять минут назад. Сказал, что ты не подготовил портрет. Он очень недоволен.

– Что еще он сказал?

– Сказал следить за тобой и отчитываться по каждому твоему шагу.

– Ты будешь это делать?

– Зависит от того, что это будут за шаги. Так куда едем?

– Энфилд. Хочу съездить к первой жертве, Саре Флайт.

Мы отъехали от отеля, и я покрутил перед Темплтон пачкой сигарет в немом вопросе.

– Не возражаю, если ты меня угостишь, – сказала она.

Я зажег две сигареты и передал одну Темплтон. Мы стояли в пробке. Движение было почти таким же плотным, как в Нью-Йорке, но не таким ужасным, как в Лос-Анджелесе. Мы ехали молча, Темплтон сконцентрировалась на дороге, а я думал о расследовании. Тишина была комфортной, дружеской, ненапряженной.

Я докурил и выбросил окуроч в окно, затем нажал на кнопку и окно с жужжанием закрылось. Через тридцать секунд Темплтон последовала моему примеру. По мере того как мы продвигались на север, здания становились все более маленькими, серыми и мрачными. Зимнее солнце, конечно, улучшало внешний вид строений по сравнению с вчерашним днем, но ненамного. По радио непрерывно шла рок-классика: Хендрикс, «Иглс», «Лед Зеппелин». Отличные мелодии из далекого прошлого.

– А каким он был?

Я слышал этот вопрос уже великое множество раз, поэтому мне не пришлось спрашивать, кого имеет в виду Темплтон. Обычно люди задавали его на более поздней стадии знакомства, но я не удивился тому, что ждать она не стала. У меня создалось впечатление, что Темплтон была не из тех, кто долго ходит вокруг да около.

– Он внушал полное доверие, – сказал я. – Столп обще-

ства. Преподавал математику в колледже, пользовался уважением коллег, и студенты его любили. Он был общителен, умел вдохновить, типичный учитель-эксцентрик. Мозг у него, казалось, никогда не прекращал работать. Пока он был в тюрьме Сан-Квентин, у него много раз пытались измерить IQ, но он только издевался над психиатрами во время теста. Каждый из них мог бы подтвердить, что он с легкостью попал бы в Менсу, а в это общество входят два процента умнейших людей в мире.

– И ты ничего не подозревал?

– Если ты хочешь спросить, подозревал ли я, что мой отец – серийный убийца, то нет, не подозревал.

– Но что-то все-таки было в нем подозрительное, разве нет?

Я вспомнил один пикник у нашего дома, когда мне было восемь или девять лет, за пару лет до того, как ФБР ворвалось в дом, арестовало отца, и мой мир рухнул. Гости стояли вокруг решетки, на которой жарилось мясо, отец был в центре. На нем был фартук, в одной руке он держал пиво, а в другой – щипцы, чтобы переворачивать мясо. Пиво текло рекой весь день, было весело, все смеялись и шутили, всем было хорошо. И мой отец смеялся и шутил. Но что-то было натужное в его смехе. У меня осталось в памяти, что отец смеялся только губами, до глаз его улыбка не доходила.

– Если сейчас оглядываться в прошлое, я бы сказал, что знаки были, – ответил я. – Мне нравится думать, что, если

бы я познакомился с ним сейчас, я бы сразу все понял. Но я был ребенком. Когда его арестовали, мне было всего одиннадцать лет. А первую свою жертву он убил еще до моего рождения. Дома он был либо холоден, либо всех контролировал, но он был ничем не хуже отцов моих друзей. Наоборот, он был лучше, чем большинство отцов. И все мои друзья думали, что у меня крутой отец, потому что именно таким он для них и был.

– Мне только кажется или ты на самом деле просто рассказываешь мне официальную версию?

– Так оно и есть.

– Слушай, если ты не хочешь об этом говорить, я понимаю.

– Дело не в этом, я просто на самом деле не знаю, что сказать. Если бы он был одним из преступников, которых я пытаюсь поймать, я бы выдал тебе полное его описание в мельчайших подробностях. Но это мой отец, и я был слишком близок к нему, чтобы объективно его судить.

– Ты себя винишь, да ведь? Думаешь, что мог бы сделать что-то, чтобы спасти тех девушек?

– Сейчас ты говоришь, как психиатры в тюрьме Куантико.

– Ты избегаешь моего вопроса.

– Конечно, избегаю. Мы только познакомились. Давай отложим все эти тяжелые разговоры на потом.

Выбив из пачки сигарету, я предложил ее Темплтон. Она отказалась, покачав головой. Луч солнца, очень удачно осве-

тив лицо, дал мне первую возможность рассмотреть ее в профиль с близкого расстояния. Профиль был столь же умопомрачителен, что и вид анфас. У нее было отличное строение кости, милый нос, высокие скандинавские скулы.

Темплтон, должно быть, почувствовала, что я ее рассматриваю, повернулась и взглянула на меня. Ее лицо обладало идеальной симметрией, которую так любит камера. Наверняка в цифровом выражении оно соответствовало бы золотому сечению – идеально приятной глазу пропорции, которая вдохновляла художников и математиков последние две с половиной тысячи лет. Доказательство того, что золотое сечение действительно существует в природе, ехало сейчас на водительском сиденье «БМВ».

Мне было непонятно, почему Темплтон выбрала работу в полиции за нищенскую зарплату, когда могла бы заработать целое состояние на своей внешности. Версии про следование семейной традиции, конечно, можно было верить, но что-то мне говорило, что это тоже была официальная версия. Я открыл окно и зажег сигарету. По радио запели «Роллинг Стоунс», и Темплтон прибавила громкость. Она окунулась в песню, голова ее двигалась в такт ритму, губы слово в слово повторяли слова. Я сделал еще одну затяжку и вернулся к мыслям о расследовании.

Рэйчел резко открыла глаза, но ничего не увидела – вокруг нее была кромешная тьма. Не было ни малейшего про света от окна или дверной щели. Сердце стучало так, как будто готово было выскочить из груди, дыхание было коротким и прерывистым. Каждая последующая секунда вела к полномасштабной панической атаке. Темнота словно вбирала в себя каждый ее вдох и возвращала, многократно усилив его громкость.

Матрас, на котором она лежала, был такой тонкий, что через него чувствовался холодный и твердый пол. Запах хлорки щипал ноздри и глотку. Наваливались воспоминания: она сидит на переднем сиденье «порше», довольная, как будто в лотерею выиграла. Блеск иглы шприца.

Рэйчел попробовала встать, но на нее тут же накатила волна тошноты. Ее вырвало, но в последнюю секунду она смогла податься вперед, чтобы не запачкать одежду и матрас. Ее вырвало во второй раз – от запаха вчерашнего красного вина и желудочного сока, и рвало до тех пор, пока изнутри не стала выходить одна желчь. Рэйчел вытерла рот тыльной стороной ладони. Голова болела, ладони были влажными, ее трясло, как в лихорадке.

Она упала на матрас и попыталась восстановить дыхание. Паника нарастала, но Рэйчел пыталась избежать приступа.

Медленно. Спокойно. Она несколько раз глубоко вздохнула, и кислый запах рвоты ударил ей в нос. Снова накатила дурнота, и ее стошнило бы опять, если бы в желудке оставалось хоть что-то. Она закашлялась и вытерла рот, еще раз глубоко вздохнула и приказала себе собраться. Дыхание стало более размеренным.

Рэйчел стала водить рукой по воздуху до тех пор, пока не нащупала стену, выложенную плиткой. Плитка на ощупь была гладкая, холодная, квадратная, где-то пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Такой обычно выкладывают ванные комнаты. Держась за стену, Рэйчел попробовала потихоньку встать. Голова кружилась, но ноги вроде бы держали.

На полу тоже была плитка, но она была крупнее, где-то метр на метр. И тоже – по ощущениям от ее голых стоп – холодная и гладкая. Рэйчел осторожно передвигалась по комнате, пытаясь сориентироваться в помещении. Добравшись до третьей стены, она нащупала дверь, тяжелую и крепкую. Скользя ладонью по окрашенной поверхности, она нашла ручку. Повернула ее. Заперто. Сердце опять бешено застучало, и на этот раз панику победить не удалось. В ушах зазвенело, и она почувствовала, что падает.

Пустота.

Когда она вновь открыла глаза, вокруг все еще было темно. Она лежала на холодном полу, руки и ноги были деревянными и почти не слушались. На голове в том месте, которым она ударилась о пол, образовалась шишка. Рэйчел поняла,

что была без сознания какое-то время, но не могла определить, как долго. Она осторожно поднялась на ноги и, держась за стены, вернулась к матрасу. Других дверей в комнате не было.

Она сползла по стенке и села в углу, прислонившись спиной к стене, крепко обняла колени и положила на них голову. Слезы катились у нее по щекам, но она их почти не замечала. Это было самое худшее, что могло случиться. Она умрет. Она была уверена в этом. Но это было не самое страшное. Больше всего ее ужасало то, что она все еще жива.

Она вспомнила, как резко переменилась улыбка Адама вечером. Сначала она была такой дружелюбной и веселой, как будто обещала: *я стану твоим лучшим другом, я заберу тебя из твоего жалкого существования и перенесу тебя в жизнь твоей мечты, в жизнь, которую ты заслуживаешь.* За долю секунды эта улыбка превратилась в оскал хищника. У Рэйчел опять свело желудок, и она решила, что ее снова вырвет. Ноги и руки стали ватными, по щекам потекли слезы. Она раздумывала, позвонил ли уже Джейми в полицию. За этой мыслью быстро последовала другая, вызвавшая новый поток слез: а он вообще заметил, что ее нет? Хоть кто-то заметил?

Дорожка, ведущая к зданию, походила на минное поле из выбоин, но Темплтон ехала как ни в чем не бывало. Она даже не пыталась маневрировать и ехала прямо по ямам, как будто их тут не было. Подвеска «БМВ» была явно не в восторге от происходящего. Темплтон въехала во двор, обнесенный стеной, и, забуксовав, остановилась так резко, что подняла волну гравия под днищем автомобиля.

Здание частной больницы Данскомб-Хаус было построенно много веков назад, оно было старше, чем Америка. С течением времени то тут, то там появлялись новые постройки, отражающие разные архитектурные стили, разные временные периоды, мировоззрение разных архитекторов. Возникало ощущение, что эта постройка – вне времени и вне стилевых рамок. По размеру здание было достаточно большим, чтобы называться особняком, но слишком маленьким для дома-усадьбы.

Мы вышли из машины и плечом к плечу дошли до главного входа. Темплтон нажала на звонок, отступила на один шаг и направила взгляд в глазок камеры наблюдения. Ее выражение лица словно говорило: попробуй не пусти! Прошло несколько секунд, послышался щелчок замка, и Темплтон вплыла внутрь так, как будто это был ее собственный дом, – расправив плечи, с прямой спиной, покачивая бедрами. Соза-

ди ее обтягивающие джинсы смотрелись столь же фантастически, как и спереди.

Напротив стойки администратора стояла трехметровая елка. Это был явный перебор: на ней висели десятки блестящих украшений и игрушек, сотни маленьких белых фонариков, километры мишуры, а сверху красовалась большая серебряная звезда. Темплтон направилась прямо к стойке администратора и показала свое удостоверение.

– Мы пришли к Саре Флайт, – сказала она.

Администратор, казалось, удивилась.

– Какие-то проблемы? – спросил я.

– Нет, никаких, – покачала она головой. – Просто к Саре мало кто приходит.

– Мало кто – это кто?

– Ее мать приходит каждое, без исключения, утро. Она только что ушла.

– Еще кто-нибудь приходит?

Она покачала головой.

– А муж?

Администратор помедлила и посмотрела направо и налево – классическое поведение человека, обладающего секретной информацией.

– Он ни разу сюда не приходил, да ведь? – спросил я.

– Ни разу.

– Где нам найти Сару?

– Она в комнате дневного пребывания, – администратор

показала на ряд двойных дверей напротив широкой, старинного вида лестницы.

Просторная комната дневного пребывания с облицованными деревом стенами, паркетом на полу и высокими сводчатыми потолками была похожа на церковь, елка здесь стояла перед большим камином. Она была поменьше, чем та, что при входе, но все равно выглядела очень впечатляюще. Украшена она была так же. Очевидно, кто-то из персонала специально ездил в город за рождественскими украшениями и купил километры мишуры, сотни флажков и серебряных колокольчиков. Было похоже, что обе елки украшал один и тот же человек.

В комнате неприятно пахло пережаренными овощами, подливкой и бытовой химией. Этот запах напоминал мне сразу все казенные учреждения, в которых я когда-либо бывал или о которых читал в «Полете над гнездом кукушки». За пациентами присматривали два санитары – чернокожий мужчина и белая женщина. Эта парочка явно умирала со скуки: они сидели за столом у двери и не знали, как убить время до конца смены.

Стул Сары Флайт стоял перед окном с видом на залив. Она сидела и тупо смотрела в окно. Волосы у нее уже отросли и выглядели хорошо – они были блестящие и аккуратно убраны. Явно кто-то совсем недавно их расчесал. Возможно, причесывание было частью ежедневного ритуала, поддерживаемого матерью Сары. Вряд ли санитары стали бы тратить

время на волосы пациентов. Сара была одета в свободную, мешковатую одежду, которую легко снимать и легко надевать. Шестьдесят килограммов веса – слишком тяжелая ноша, а персонал по понятным причинам пытался максимально облегчить себе жизнь. По подбородку Сары из уголка рта текла струйка слюны.

– У тебя есть салфетки? – спросил я у Темплтон.

Она достала из кармана пачку салфеток, и я аккуратно вытер Саре подбородок. Это была мелочь, можно было бы и не замечать вытекающей слюны, но Сара заслуживала уважения, даже если она этого и не осознавала.

Вчера, когда я увидел Патрисию Мэйнард, моей первой мыслью было: лучше бы она была мертва. И сейчас я думал ровно то же самое. А думать так мне было непросто. Я считаю, что быть живым всегда лучше, чем мертвым, потому что любая жизнь лучше, чем холод и одиночество могилы. Если ты жив и даже если ты прошел через ад, всегда сохраняется шанс на то, что жизнь изменится к лучшему.

Но лучше может стать не каждому. Я это знаю из собственного горького опыта. Мой отец никогда не бил мою мать, но эмоциональные шрамы от жизни с ним были столь глубоки, что в конце концов убили ее. Кто-то в этих случаях начинает пить или принимать наркотики, чтобы обезболить свои воспоминания, а для кого-то жизнь становится настолько невыносимой, что они прибегают к самоубийству. Но большинство людей как-то умудряются выплыть и нала-

дить некое подобие жизни. Жить всегда лучше, чем умереть.

Я смотрел на то, как Сара Флайт сидит и смотрит в пустоту стеклянными глазами, и думал, есть ли исключения из этого правила. Сару никогда не вылечат, и лучше, чем сейчас, ей уже не будет никогда.

Я поставил стул рядом с ней, расстегнул куртку, надел на голову капюшон толстовки и какое-то время просто сидел и смотрел туда же, куда и она. Как мог, я пытался отбиваться от бесконечного потока разных мыслей. Мне хотелось поймать несколько мгновений, во время которых ум остался бы пустым и белым, как пейзаж по ту сторону стекла. Мой самый большой недостаток – принимать все слишком близко к сердцу, пропускать все через себя. Я настолько сильно хочу найти разгадку, что за деревьями не вижу леса, он расплывается в глазах.

Свет зимнего яркого солнца придавал дополнительную резкость всем предметам. Покрытая снегом лужайка была ослепительно яркой, а деревья и кусты напоминали белые минималистичные скульптуры. Весь пейзаж был похож на рождественскую открытку. Одна мысль о том, что Сара никогда не сможет этого увидеть по-настоящему, ввергала меня в депрессию.

На долю секунды мое зрение трансформировалось: все, что было за окном, стало фоном, а само окно превратилось в тусклое зеркало, отражающее меня и Сару. Ракурс, освещение, наши тени на поверхности стекла – весь мир вдруг

сузился для меня до нас двоих.

Затем обычное восприятие восстановилось, и я вновь вернулся в комнату. Темплтон стояла позади меня и всем видом демонстрировала нетерпение. Ее отражение в окне смотрело на часы, затем в мобильный телефон, потом через плечо на других пациентов. Пару раз она вздохнула, закусил губу. Весь ее вид говорил о том, что у нее было много дел и что ее ждали люди.

Я решил дать ей еще минуту, а может, достаточно было и сорока пяти секунд. Она наклонилась настолько близко, что я во всей полноте ощутил аромат ее духов. Он был приятным и хорошо сочетался с моим гиперактивным воображением – в сознании тут же появилось множество интересных и неуместных образов.

– Можно вопрос? Какого черта мы здесь делаем, Уинтер? – она говорила тихим шепотом, ее дыхание щекотало ухо. – Я спрашиваю, потому что мне кажется, что ты сидишь и любишься цветами, вместо того чтобы заниматься поиском преступника.

– Я пытаюсь кое-что понять, – улыбнулся я и подождал, пока она тоже улыбнется.

– Хорошо, – сказала она. – Интересно, что именно.

– Ты выбрала эту работу, чтобы отлавливать жуликов, да? Это для тебя основная цель, и у тебя хорошо это получается.

Темплтон двусмысленно качала головой из стороны в сторону, и, судя по всему, более близкого к согласию жеста сей-

час было ожидать нельзя. Я сомневался в том, что она была способна вслух признать справедливость подобного утверждения.

– Ты – классическая трудяга, – добавил я. – Тебя мотивирует твоя работа, у тебя все хорошо получается, и ничего плохого в этом нет. Вообще ничего.

– Не пойму, к чему ты ведешь.

Я кивнул в сторону Сары Флайт. Из уголка ее рта показалась еще одна струйка слюны, и я снова вытер ее салфеткой.

– Я пытаюсь тебе сказать о ней. О ней и о всех тех, кому пришлось столкнуться с психом, у которого искаженное видение мира и множество извращенных фантазий. Когда ты всю свою энергию направляешь на преступника, очень просто позабыть о жертвах. Слишком уж это просто, и я тоже часто попадаю в эту ловушку. Поэтому я и пришел сюда, чтобы напомнить себе, что на самом деле я все это делаю для жертв. Поимка преступника – это просто бонус. Сейчас где-то еще жива женщина, которую похитил наш маньяк, и, если мы плохо сделаем свою работу, она окажется в том же состоянии, что и Сара.

Я протянул руку и дотронулся до руки Сары. Мне будто было необходимо убедиться в том, что она была реальной. Я почти что ожидал, что моя рука пройдет сквозь ее руку, но этого не случилось. Я ожидал, что ее кожа окажется холодной, но она была такой же теплой, как и моя. На единственном пальце, который у нее остался, было место, где когда-то

было обручальное кольцо. Обрубки остальных пальцев преступник прижег, и теперь они уже зажили и зарубцевались. Кто снял кольцо? Ее мать? Кто-то из санитаров, на кого Сара никогда не сможет указать? Было ясно одно: это точно сделал не Грег Флайт. Я встал и направился к двери. Темплтон пошла за мной, и теперь шаги ее звучали тихо и робко – в ее походке больше не было ни следа от той самоуверенности, с которой она сюда вошла.

Личная помощница Грега Флайта провела нас в его просторный угловой офис на верхнем этаже арендуемого рекламным агентством «Физз» трехэтажного здания. Агентство не принадлежало к числу лидеров в своей области, но было и не самым последним. Оно занимало комфортную позицию середнячка, которому перепадали крошки со столов «Саатчи & Саатчи» и других крупных фирм.

Офис Флайта был очень большой, оформление было лаконичным. То же самое можно было сказать и про его стол. Мебель из темного дерева имела скругленные углы. Стена «имени Грега Флайта», завешанная сертификатами и дипломами, просто кричала о его низкой самооценке и потребности в самоутверждении. Он, как мог, старался скрыть свою неуверенность, и, учитывая то, что он занимал должность арт-директора, ему это практически удалось.

Личная помощница подвела нас к двум креслам около окна. Сиденья были мягкие, кожаные, а сами кресла развернуты так, что, если раскрыть жалюзи, пришлось бы жмуриться от солнца. Кресло Флайта было массивным и больше походило на трон. Оно стояло спиной к окну, и получалось, что все его собеседники вынуждены были смотреть на солнце. Кресло было почти на восемь сантиметров выше, чем наши кресла. Все эти отчаянные попытки казаться более могуще-

ственным бросались в глаза и вызывали лишь жалость.

Темплтон встала у меня за спиной. Сочетание высокого роста и натренированного полицейского взгляда придавало ей внушительный и угрожающий вид. Грег Флайт в своем огромном кресле казался потерянным и нервным. Для нас это было большой победой. Флайт заранее продумал тактику поведения, которая гарантировала ему успех, но ошибся по всем статьям. Он намеревался держать ситуацию под контролем, но ему явно не удавалось это делать, и самое время было доставать белый флаг. Золотое правило любой битвы за власть состоит в том, что нельзя делать шаг до тех пор, пока нет полной уверенности в следующем шаге оппонента. Сунь-Цзы два с половиной тысячелетия назад верно сказал, что нужно знать врагов своих.

Личная помощница выразительно посмотрела на своего босса и тихо закрыла за собой дверь. Брюнетка, чуть за двадцать, наглая и, без сомнения, совершенно бесполезная с профессиональной точки зрения. Недостаток компетенции ей наверняка приходилось компенсировать физическими упражнениями с боссом. Другой причины нанимать ее на работу я не видел.

Я улыбнулся Грегу Флайту, и он тут же метнул в меня ответную улыбку. Он очень старался выглядеть презентабельно, но его битва была проиграна, хотя он еще об этом не знал. На безымянном пальце у Флайта тоже не было обручального кольца. С тем, что случилось, он справлялся, делая вид,

что ничего не произошло. Наверняка, он сделал все возможное, чтобы полностью стереть ее из своей жизни. Если бы мы встретились у него дома, а не в офисе, то там мы не увидели бы ни одного следа их совместной жизни – ни фотографий, ни памятных мелочей – ничего. Возможно, он уже даже продал дом, в котором они жили вместе. Темплтон потребовалось очень сильно постараться, чтобы он согласился уделить нам пять минут. Встречаться он не хотел не потому, что был слишком занят, а потому, что мы представляли собой ту часть его прошлого, от которой он так старался убежать.

– Сколько вы уже с ней спите? – спросил я.

Флайт был сбит с толку и выглядел, как человек, которого застали врасплох. Это ровно тот эффект, которого я и добивался своим вопросом. Он знал, что не ослышался, но не мог быть до конца уверен, правильно ли он меня понял.

– Прошу прощения? – вопросительно проговорил он.

Я пожал плечами.

– Я хочу знать, как давно вы занимаетесь сексом с личной помощницей. Она знает, что ее дни сочтены? – и я сам себе ответил, утвердительно кивнув. – Ну конечно, знает. Непрофессионализм ведь не обязательно означает глупость. Вы спали с ней и до похищения Сары? Кстати, она очень на нее похожа.

Флайт был настолько ошарашен, что уставился на меня с открытым ртом. Я покачал головой:

– Нет, Сару похитили в прошлом году. А с тех пор, я ду-

маю, вы сменили шесть или семь женщин. Думаю, через каждые два месяца вы заводили себе новую. И они все были похожи на Сару, да?

Флайт по-прежнему просто тупо смотрел на меня.

– Но с кем-то вы точно спали в тот период, когда была похищена Сара, – продолжал я говорить сам с собой. – Ну конечно! И наверняка до той измены была другая. У вас такая схема: вы видите женщину, которая вам нравится, и вам необходимо ею обладать. И неважно, что при этом вы кому-то причиняете боль.

Я помолчал немного и продолжил:

– А вы на самом деле любили Сару? По-настоящему? Такой любовью, когда жизнь готов отдать за любимого человека? – я снова покачал головой. – Ну конечно, нет. И никогда никого не любили. А причина проста: вы – самовлюбленный, боящийся ответственности засранец.

Лицо Флайта стало ярко-красным, и он бросился на меня. Для человека, большую часть жизни просиживающего за столом, он двигался очень быстро. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы преодолеть разделявшую нас дистанцию. Он сильно ударил меня в грудь, и меня отбросило назад. А еще через секунду я уже лежал на спине, прижатый к полу. Я старался вырваться, но силы наши были не равны: его было слишком много, а меня – слишком мало. Он сжал пальцы в кулак, лицо перекосилось яростью, губы сжаты, глаза выпучены. Я еще попробовал побороться с ним и

мысленно пробежался по всем возможным сценариям развития событий, но при любом варианте мне предстояла боль. Вопрос оставался только один – насколько сильная.

Но удара не последовало. Я почувствовал, что на грудь мне больше ничего не давит, и, открыв глаза, увидел Грега Флайта, свирепо смотревшего на меня с расстояния в десять сантиметров. Он был так близко, что я чувствовал несвежий запах кофе в его дыхании. Его правая щека прижималась к коврику, и Темплтон сидела на нем, зафиксировав его правую руку за спиной.

– Это злоупотребление полицейскими полномочиями, – сказал Флайт сдавленным голосом.

Я сел, скрестив ноги, и посмотрел на него. Все складывалось очень хорошо. Я был над ним, а он был повержен женщиной. Думаю, второй факт удручал его гораздо больше, чем первый. В мире Грега Флайта женщины оставались второсортными существами.

– С формальной точки зрения это не может быть злоупотреблением полицейскими полномочиями, потому что я не полицейский, – сказал я.

Темплтон завела его руку за спиной повыше, и он скорчился от боли:

– Отпустите меня.

Я наклонил голову так, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза.

– Грег, послушай, никто тебя не собирается осуждать. На

самом деле мне совершенно все равно, с кем ты спишь. Мне лишь нужно понять, какие у вас были отношения с Сарой на тот момент, когда ее похитили.

– Пустите меня, – повторил он.

– Мы тебя отпустим, когда ты согласишься нам помочь. И на твоём месте я бы очень хорошо подумал перед тем, как ты начнешь отвечать на мой следующий вопрос. Если тебе на руку ещё немножко надавить, плечо у тебя выскочит из сустава. А вправлять его очень болезненно. Адская боль – как будто тебе кто-то битое стекло втирает в сустав.

Я замолчал, чтобы он какое-то время подумал. Флайт с такой злобой смотрел на меня, словно планируя новый, более верный способ расправиться со мной.

– Ладно, Грег, вот тебе вопрос на миллион долларов: ваш брак с Сарой с самого начала был комшмаром, так ведь?

– Вы вообще ничего не знаете про наш брак.

– Это неправильный ответ. Боюсь, машину ты не выиграл.

– У нас все было хорошо.

– Да, то же самое ты сказал и полиции. Но, поскольку они думали только о том, как бы найти твою жену, они не сильно докапывались до ваших отношений, так? – следующую фразу я решил произнести более тихим, мягким, вкрадчивым голосом. – Каждый раз, когда ты занимаешься сексом с помощницей, ты ведь думаешь только о Саре. Ты представляешь себе, как она гниет в той своей больнице, и тебя снедает вина.

Флайт быстро перевел глаза вниз, на безымянный палец без кольца. Темплтон еще немного потянула за руку, и он взвизгнул от боли.

– Грег, еще совсем немного, и плечо у тебя вылетит. Подумай об этом. Знаешь, мы только что ездили навестить Сару. Да, она лежит в недешевой частной больнице, но ты хорошо зарабатываешь и вполне можешь себе это позволить. Наверное, чувство вины немного отпускает, когда ты каждый месяц перечисляешь деньги на ее содержание?

Флайт отвел глаза и уткнулся лицом в ковер. Когда он снова посмотрел на меня, мне стало понятно, что он принял решение, и оно было правильным.

– У нас не ладилась отношения какое-то время, – прошептал он.

Внезапно, с глухим щелчком, врубился свет. Галогеновые лампы ослепили Рэйчел до такой степени, что в глазах появилась резь, и какое-то время она не могла открыть глаза. Белая напольная плитка и белые стены отражали свет ламп и только усиливали его яркость. Кромешная тьма сменилась ослепительным светом слишком резко, слишком неожиданно.

Рэйчел приставила ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза, но это почти не помогло. Тогда она снова закрыла их и стала открывать как можно медленнее – миллиметр за миллиметром, давая им время привыкнуть к освещению. Она оказалась права – окон в помещении не было, дверь была только одна. Она была белая, глянцевая, и от ее поверхности все отражалось так же хорошо, как и от выложенного плиткой пола. В нижней части двери была вмонтирована откидная створка для собак. Потолок был покрашен в белый цвет, матрас был белый, одеяла тоже.

Комната походила на холодное, стерильное помещение, напоминавшее ей лабораторию, в которой все поверхности можно было легко мыть. От этой мысли ее бросило в дрожь, несмотря на духоту. Адам снял с нее ее любимое красное платье и надел вместо него бесформенные серые спортивные штаны и такую же серую толстовку. Вместо кружевного бе-

лья на ней теперь было хлопковое.

Сознание Рэйчел фиксировало эти факты, но обрабатывать отказывалось. Она отдавала себе в них отчет и не более того. Где-то на задворках сознания был матрас, засыхающая лужа ее рвоты, черное пластиковое ведро в углу. Какое-то время назад она так хотела, чтобы темноты больше не было, но теперь, когда это произошло, ей хотелось вновь ничего не видеть, потому что в комнате было только стоматологическое кресло.

Оно было из матированной стали с бежевой обивкой, большое и тяжелое – в точности такое же, в котором она каждые полгода сидела во время визита к стоматологу. Было только одно-единственное отличие – у этого кресла были ремни. Настоящие ремни-фиксаторы для рук, для ног, для головы. Какое-то время Рэйчел сидела на матрасе и смотрела на кресло. Она и не хотела смотреть на него, но глаз оторвать не могла. От этого зрелища ей становилось плохо.

В трансе она встала и подошла к креслу. На подлокотниках были пятна. Рэйчел знала, что это пятна крови, но не хотела признаться себе в этом, потому что, если признать эту мысль, за ней хлынет океан других, а к ним она была совсем не готова. И вряд ли когда-нибудь сможет подготовиться.

– Номер пять, подойти к двери.

Голос Адама окружил ее со всех сторон. Он был оглушительно громким и благодаря какому-то звуковому фильтру был похож на голос робота. Рэйчел в ужасе обернулась и по-

смотрела по сторонам. Под потолком, в каждом углу висели белые колонки. Рядом с каждой колонкой висело по камере, тоже белой. Камеры были зафиксированы таким образом, что в комнате не оставалось непросматриваемых мест.

– Номер пять, подойти к двери, – повторил Адам.

Рэйчел медленно пошла к двери. Она смотрела в пол, чтобы не видеть камеры, шла и смотрела, как одна ее нога становится перед другой. Ноги были как чужие, ее всю трясло. Она знала, что камеры фиксируют каждый ее шаг. Створка для собак открылась, и в комнате оказалось ведро, на три четверти заполненное мыльным раствором, на поверхности плавала щетка. Затем створка с шумом закрылась.

– Номер пять, убрать за собой.

Рэйчел помедлила. Она посмотрела на колонки, на камеры, на собственную рвоту у матраса, затем на стоматологическое кресло. Подняв ведро, она перенесла его к матрасу, опустилась на четвереньки и очистила пол. Из-за запаха хлорки у нее слезились глаза и раздражалась слизистая носа. От химии, которая была намешана в воде, чесались руки. Закончив мыть, она понесла ведро к двери. Когда она была в нескольких шагах от нее, собачья створка открылась.

– Номер пять, передать ведро через створку.

Рэйчел тут же выполнила приказ. Створка закрылась, издав грохот, и свет выключился. Было слышно, как Адам удаляется от двери, затем послышался звук открывшейся и закрывшейся двери. И после этого Рэйчел слышала только

свое дыхание. Медленно, как лунатик, вытянув руки вперед, она дошла до дальней стены и шла по ней, пока не добралась до матраса. Опустившись на него, она завернулась в одеяло. Ей хотелось тепла и покоя, но сейчас вокруг были лишь одиночество, грусть и безнадежность. Она закрыла глаза, чтобы сдержать подступающие слезы, и почувствовала, как они обжигают ей веки.

На улице было градусов на пятнадцать холоднее, чем в офисе Флайта. Ощущение от выхода на улицу было сопоставимо с входом в морозильную камеру. Почти весь снег растаял, оставив после себя серую слякоть и обледенелые островки на тротуарах. Я застегнул куртку до самого подбородка, надел капюшон и опять пожалел, что я сейчас не в Калифорнии, не на Гавайях или в Рио... словом, не там, где тепло и солнечно. Я предпочел бы быть в любом другом месте, только не здесь.

– В суд будешь подавать? – спросила Темплтон.

Я уставился на нее:

– С чего вдруг мне в суд подавать?

– Ну, во-первых, Грег Флайт напал на тебя. А во-вторых, он гад. Вот тебе целых две очень веские причины.

– А в-третьих, он сказал мне все, что мне было нужно знать, а только это в итоге и важно. В суде я потрачу кучу времени и сил, которые я планирую направить на более полезные вещи. Например, буду искать маньяка.

– Логично, но если вдруг передумаешь, я с превеликим удовольствием выступлю свидетелем.

Я зажег сигарету, предложил вторую Темплтон, достал мобильник и открыл список последних вызовов.

– Кому звонишь? – Темплтон наконец удалось извлечь

огонь из зажигалки, и она прикуривала сигарету, зажав ее между губ.

– А ты всегда такая любопытная?

Она засмеялась.

– Конечно, всегда, я же в полиции работаю, а там по-другому никак. Так кому ты звонишь?

Я проигнорировал ее вопрос и нажал на кнопку вызова. Хэтчер ответил на втором гудке.

– Ты мне должен пятьдесят фунтов, – сказал я.

– Только если будут доказательства, – ответил Хэтчер.

– Темплтон присутствовала при исповеди Грега Флайта. Она все подтвердит. У Флайта был роман на стороне, когда была похищена Сара. Это подтверждает мою версию о том, что у всех женщин-жертв были мужья, которые им изменяли. Не нашли еще никого, кто подходил бы под мое описание жертв?

– Пока ничего, но еще мало времени прошло.

– Как только появится хоть какая-то зацепка, сразу же пришли мне фотографии, – сказал я.

– Конечно. Кстати, ты оказался прав насчет парковки в Сент-Олбансе. Он на самом деле парковался на Гроув-роуд. Один из жителей его видел.

– У вас есть свидетельские показания?

– Сейчас зачитаю, – сказал Хэтчер. – Это мужчина среднего роста в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Волосы темные, но могут быть и светлыми. Скорее всего, он белый,

но может оказаться чернокожим.

– А машина у него какая?

Хэтчер качал головой. Я понял это по тишине, повисшей после моего вопроса. Он вздохнул и сказал:

– Было темно, он парковался вдали от фонарей, поэтому описание машины такое же информативное, как и описание преступника. Наш свидетель говорит, что это был обычный четырехдверный седан. Может быть, «форд», или «воксхолл», или «шкода». Пятилетний, а может, и десятилетний. По цвету – выбирай любой оттенок серого.

– Я просто обожаю свидетелей.

– Не говори...

– Но есть и плюсы. То, что он парковался на Гроув-роуд, подтверждает мою гипотезу, что он пытается сбить с толку полицию. Мы можем не знать, как он выглядит и что у него за машина, но зато теперь мы лучше понимаем логику его действий. Хэтчер, не забудь, мне как можно скорее нужны фотографии.

Я сбросил звонок и вернулся к сигарете. Темплтон удивленно смотрела на меня, широко раскрыв свои голубые глаза.

– Что? – спросил я.

– Ты поспорил с Хэтчером, изменял Грег Флайт или нет? Я уверена, что есть закон, запрещающий такого рода споры.

– Возможно. Но сейчас речь не об этом.

– А о чем же?

– О том, что я стал на пятьдесят фунтов богаче, а значит, сегодня напитки за мой счет.

Темплтон смотрела на меня своим фирменным полицейским взглядом, прищурившись. Разница между ним и предыдущим взором была в том, что сейчас ей с трудом удавалось справляться с мимикой.

– Что-то я не помню, чтобы соглашалась пить с тобой сегодня.

– Это да, – сказал я. – А ты многих полицейских знаешь, которые отказались бы от бесплатного напитка?

Темплтон молчала, будто бы всерьез обдумывая мой вопрос.

– Во сколько?

– В восемь?

– Хорошо. Ну и, чтобы не было недосказанностей, одного напитка точно не хватит, чтобы купить мое молчание.

– Выпьешь столько, сколько захочешь, – сказал я.

Мы подошли к «БМВ», я раздавил сигарету каблуком ботинка и отбросил окурок в ближайший колодец. Сев в машину, я углубился в свой мобильный.

– А сейчас кому собираешься звонить? – спросила Темплтон.

– Никому. Я рассчитываю, что мой лучший друг Гугл подскажет мне имя лучшего лондонского нейрохирурга.

Лучшим нейрохирургом в Лондоне оказался профессор Алан Блейк, который работал в Институте неврологии ведущего лондонского университета. Величественное здание из красного кирпича располагалось на площади Куин-Сквер в окружении других столь же внушительных сооружений и большого количества бетона. Секретарь Блейка сообщила нам, что он не просто занят, а чудовищно занят. Нам повезло, и у него было пятнадцать свободных минут перед обедом. То, как она произнесла слово «пятнадцать», не оставляло никаких сомнений в том, что, если мы займем больше времени, до следующего утра мы не доживем.

Темплтон пришлось включить мигалку, чтобы мы смогли прорваться сквозь пробки и приехать за пять минут до назначенного времени. По данным Википедии, четыре из двенадцати самых цитируемых неврологов мира работали в этом институте. Профессор Блейк был вторым в списке. Его с минимальным преимуществом опережал профессор Си Йеун из исследовательского университета имени Джона Хопкинса в Мэриленде.

Кабинет профессора Блейка на самом верхнем этаже был достаточно пыльным и старым. Он был полной противоположностью офису Грега Флайта. Здесь не было никакой «стены имени меня» с сертификатами и дипломами – отчасти

потому, что известность и репутация профессора говорили сами за себя и ему не нужно было кричать на каждом углу о своих достижениях. Но основная причина была в том, что дипломы с грамотами просто некуда было вешать.

Каждый свободный сантиметр стен кабинета занимали книги. Книжные шкафы простирались от пола до потолка, вмещая в себя тысячи томов. Бумаги покрывали весь рабочий стол, и одна стопка папок лежала на самом его углу, грозя упасть в любую секунду. Профессор Блейк приветствовал нас у самых дверей кабинета. У него был большой живот, широкое, дружелюбное лицо, седые волосы и аккуратная борода. Изящные, аккуратные руки. Он убрал книги и бумаги с двух кресел и жестом пригласил нас сесть.

– Как я понял, вы пытаетесь найти маньяка, который делает жертвам лоботомию, – шотландский акцент Блейка сгладился после многих лет жизни в Англии.

– Да, это так, – кивнул я.

Блейк покачал головой.

– Ужас что творится. Я слежу за этой историей по новостям.

– Что вы могли бы рассказать мне о лоботомии?

– А что вы хотите знать?

Я посмотрел на часы.

– Прочитайте мне тринадцатиминутный экспресс-курс.

– Не обращайтесь внимания на Гленду, она больше лает, чем кусает.

Блейк замолчал и какое-то время собирался с мыслями. Его лицо стало серьезным, и голос переключился в лекционный режим.

– Лоботомия предполагает перерезание нервных соединений, которые ведут к префронтальной коре и от нее. Это часть головного мозга, ответственная за принятие решений и склад характера. Важнейшая роль префронтальной коры состоит в том, что она, помимо прочего, позволяет нам осознавать противоречивость мыслей, различать хорошее и плохое, понимать, что лучше, а что есть идеал, что идентично, а что различно. Она помогает нам прогнозировать последствия наших действий, формировать ожидания. Также префронтальная кора отвечает за социальное поведение, то есть нашу способность подавлять инстинкты, которые в обществе являются неприемлемыми. Лоботомия, по сути, означает разрушение личности. Если угодно, воровство души.

Я вспомнил, как Сара Флайт стеклянным невидящим взглядом смотрела в окно. Слова профессора точно описывали то, что с ней произошло. У нее украли душу.

– По современным меркам лоботомия – это резня, а не хирургия, – продолжал Блейк. – Это примерно тот же уровень, что и использование пиявок. Нужно помнить, что эта технология появилась от безысходности. Перенеситесь к началу прошлого века и представьте себе психбольницы, под завязку заполненные пациентами, которых никто не знает, как лечить. И вот вдруг появляется этот чудесный метод, ко-

торый, как кажется на первый взгляд, весьма эффективен. Конечно, его принимают с распростертыми объятиями. По разным оценкам, в США было проведено в общей сложности сорок тысяч операций, а здесь, в Англии, около семнадцати тысяч. Большинство из них пришлось на период с начала сороковых до середины пятидесятих годов.

– Так много, – заметил я.

– В этом вся опасность так называемых чудесных средств. Люди теряют способность мыслить здраво, а когда разум вновь начинает возобладать, уже нанесен огромный урон. Русские первыми отказались от этой практики в 1950 году. Они пришли к заключению, что лоботомия превращает психически ненормального человека в идиота, и они оказались правы. Американцы гораздо позже пришли к тому же выводу. Даже в восьмидесятых годах в Штатах продолжали делать лоботомии.

– А какова процедура проведения лоботомии?

– У ваших жертв черепы были просверлены?

– Нет, – покачал головой я.

– Значит, в вашем случае речь идет о трансорбитальной лоботомии. Разработал этот способ Уолтер Фримен в середине сороковых годов. Вначале он использовал острый стержень для колки льда и грейпфрут. От грейпфрутов он перешел к трупам, а потом уже к живым пациентам. Он поднимал верхнее веко и надавливал на тонкий хирургический инструмент под названием орбитокласт до тех пор, пока его

острие не упиралось в кость глазной впадины. Затем, ударяя молоточком по орбитокласту, он пробивал кость и добирался до мозга, где, вращая инструментом на разной глубине из стороны в сторону, рассекал волокна лобных долей мозга. Затем орбитокласт вводился во второй глаз, и процедура повторялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.